59
№ 592

221
2
34

К Ъ С Т О Л Ѣ Т І Ю
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
(1804—1904 гг.).

139
2446

КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

НАКАНУНѢ ОСНОВАНІЯ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(1804—1805 гг.).

ОЧЕРКЪ

Д. Нагуевскаго,

Профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1900.

И 39/592 708 221-2-34

КЪ СТОЛѢТІЮ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
(1804—1904 гг.).

139/276

КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

НАКАНУНѢ ОСНОВАНІЯ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(1804—1805 гг.).

ОЧЕРКЪ

Д. Нагуевскаго.

Профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1900.

2007044250

ф 22185-43.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 16 декабря 1899 года.

Секретарь Общества *В. Борисовъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XVI тома «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этн.» за 1900 годъ)

ПАМЯТИ

ПЕРВАГО СТУДЕНТА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Сергѣя Тимоѳѣевича

АКСАКОВА.

(1791—1859).

Авторъ.

Содержаніе.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 7

I.

Нерасположеніе учениковъ къ директору Лихачеву. — Начало безпорядковъ 4-го іюля 1804 г.—Столкновеніе учениковъ съ квартирмейстеромъ Михайловымъ.—Отказъ Лихачева на просьбу Д. Княжевича.—Рапорты Фишера, Ахматова и Михайлова Лихачеву.—«Экстраординарное» засѣданіе совѣта 9-го іюля.—Образованіе «комитета о безпорядкахъ» и протестъ Эриха 11

II.

Успокоеніе «духа своевольства» среди учениковъ.—Выходъ изъ «комитета» Карташевскаго.—Упорство Фишера и его столкновеніе съ комитетомъ и совѣтомъ.—Критическое положеніе Лихачева.—Донесеніе Яковкина объ ученикахъ Баляснпковѣ и Пафомовѣ.—Рапортъ совѣта о безпорядкахъ Румовскому.—Пререканія между Лихачевымъ и Фишеромъ.—Вопросъ о «сатирахъ и пасквиляхъ на директора» . . 18

III.

Отказъ Яковкина отъ должности главнаго надзирателя.—Три предложенія Румовскаго совѣту.—«Особливое собраніе» совѣта 10 августа.—«Письменные отвѣты» Фишера, Эриха и Мельхіора Вильфинга.—Наказанія виновнымъ воспитанникамъ 27

IV.

Сообщеніе С. Т. Аксакова объ арестѣ «16 человѣкъ изъ высшаго класса».—Финалъ «дѣла о безпоряхъ».—Сближеніе Цеплина съ нѣкоторыми членами совѣта и отношеніе его къ безпорядкамъ.—Отстраненіе Цеплина отъ участія «въ упражненіяхъ совѣта» 36

V.

Стр.

Начало учебной дѣятельности Цеплина.—Его «профессорской классъ».—Основаніе университета и прибытіе въ Казань Румовскаго.—«Производство» или «назначеніе» въ студенты.—Первый привѣтъ «almae matri» 45

VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ (№№ I—XV). 57

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая матеріалы для біографіи и характеристики старѣйшаго профессора Казанскаго университета Петра Андреевича Цеплина, я ознакомился съ двумя объемистами архивными фоліантами съ 1804 года (*Архивъ Казанскаго университета №№ 8а и 56*), заключающими въ себѣ цѣнные, обстоятельные и любопытные документы, относящіеся къ характеристикѣ состоянія Казанской гимназіи наканунѣ основанія Казанскаго университета.

Документы эти, совершенно оставленные безъ вниманія историками Казанской гимназіи и университета—В. Владиміровымъ и Н. Буличемъ—содержатъ подробное изложеніе ученическихъ безпорядковъ въ іюнѣ 1804 г., вызвавшихъ смуты и пререканія въ совѣтѣ Казанской гимназіи, состоявшемъ почти исключительно изъ будущихъ профессоровъ и адъюнктовъ возникавшаго университета.

Директоромъ гимназіи былъ тогда казанскій помѣщикъ, Александръ Логиновичъ Лихачевъ, человѣкъ недалекій, трусливый и несимпатичный; гимназіей заправлялъ энергичный инспекторъ Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, впослѣдствіи директоръ гимназіи, профессоръ и инспекторъ университета.

Членами совѣта, кромѣ Лихачева и Яковкина, состояли будущіе адъюнкты университета, учителя: высшей математики—Карташевскій, физики—Запольскій, латинскаго и французскаго языковъ—Эрихъ, философіи—Левицкій; въ совѣтѣ принимали также участіе: учитель высшаго нѣмецкаго класса —Мельхіоръ Вильфингъ и главный надзиратель, дряхлый старикъ—Карлъ фонъ Фишеръ.

Гимназія занимала въ то время лѣвую отъ входа половину нынѣшняго университетскаго корпуса и вмѣщала въ себѣ классы, помѣщеніе для казеннокоштныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ и квартиры: Яковкина, Эриха, Фишера, секретаря гимназической «конторы» Прокопенки и такъ называемаго «квартермистра» или «квартирмейстера» Михайлова, перваго виновника «возмущенія» среди учениковъ. Число воспитанниковъ въ то время не превышало 200.

Къ учебному персоналу гимназіи принадлежалъ тогда и П. А. Цеплинъ, которому, по опредѣленію Министра Народнаго Просвѣщенія, поручено было, «до открытія университета», преподавать всеобщую исторію въ Казанской гимназіи.

Современникомъ описываемыхъ событій былъ также Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, имя котораго памятно и дорого Казани. С. Т. Аксаковъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ учениковъ возстановленной въ 1798 г. Казанской гимназіи и первымъ студентомъ основаннаго въ 1804 г. Казанскаго университета. Онъ страстно любилъ казанскій край и характеристикѣ его посвятилъ яркіе и правдивые образы въ своей «*Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ*». Съ роднымъ университетомъ С. Т. Аксаковъ никогда не прерывалъ связи

и еще незадолго до смерти въ Москвѣ, безнадежно больной и почти лишенный зрѣнія, онъ сильно интересовался сборникомъ «*Братчина*» въ пользу бѣдныхъ казанскихъ студентовъ, для котораго написалъ свой извѣстный разсказъ «*Собираніе бабочекъ*», вышедшій въ свѣтъ уже послѣ смерти автора [1]. Въ началѣ 1899 г. исполнилось столѣтіе со времени перваго пріѣзда С. Т. Аксакова въ Казань, а 22 февраля 1905 г. Казанскій университетъ будетъ поминать столѣтіе со дня «назначенія» или «производства» въ студенты автора *Семейной Хроники*. Въ виду этого намъ казалось вполнѣ своевременнымъ посвятить нашъ трудъ памяти С. Т. Аксакова, славное имя котораго въ академическихъ спискахъ казанскаго студенчества занимаетъ первое мѣсто.

Въ предлагаемомъ очеркѣ [2] послѣдовательно изложенъ ходъ безпорядковъ среди воспитанниковъ и вызванныхъ этимъ« происшествіемъ» смутъ и раздоровъ въ средѣ гимназическаго совѣта; затѣмъ выяснено отношеніе П. А. Цеплина къ произшедшимъ волненіямъ и его учебная дѣятельность наканунѣ основанія университета; въ концѣ очерка приведены подробности фактическаго основанія Казанскаго университета, осуществленнаго лично 14 февраля 1805 г. первымъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа С. Я. Румовскимъ. Въ «*Приложеніяхъ*» (№№ I—XV) впервые напечатаны слѣдующіе архивные документы: I: Рапортъ

---

[1]) *Скабичевскій*, Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.) изд. 3. С.-Петерб. 1897 стр. 188.

[2]) Этотъ очеркъ былъ читанъ въ Общемъ Собраніи состоящаго при Казанскомъ университетѣ Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи, 9 ноября 1899 г. (*Волжск. Вѣсти*, 1899 г. №№ 275, 278, 280; *Казан. Телегр.* 1899 г. №№ 2108, 2112, 2114).

фонъ Фишера Лихачеву; II: Предложеніе Совѣта Казанской гимназіи служащимъ при оной; III: Представленіе фонъ Фишера въ Совѣтъ гимназіи; IV—IX: Донесенія слѣдственной коммиссіи о безпорядкахъ; X: Прошеніе Яковкина въ Совѣтъ гимназіи; XI: Представленіе Эриха въ Совѣтъ гимназіи; XII: Предложеніе Румовскаго Совѣту гимназіи; XIII: Постановленіе Главнаго училищъ Правленія о безпорядкахъ; XIV: Увольнительный аттестатъ Лихачеву; XV: Списокъ первыхъ студентовъ Казанскаго университета.

Д. Н.

20 ноября
1899 г.
Казань.

I.

Нерасположеніе учениковъ къ директору Лихачеву.—Начало безпорядковъ 4-го іюля 1804 г.—Столкновеніе учениковъ съ квартирмейстеромъ Михайловымъ.—Отказъ Лихачева на просьбу Д. Княжевича.—Рапорты Фишера, Ахматова и Михайлова Лихачеву.—«Экстраординарное» засѣданіе совѣта 9-го іюня.—Образованіе «комитета о безпорядкахъ» и протестъ Эриха.

Еще до наступленія лѣтнихъ каникулъ 1804 года, среди учениковъ гимназіи стали проявляться въ рѣзкой формѣ признаки явнаго нерасположенія къ директору Лихачеву, котораго, какъ свидѣтельствуетъ современникъ событія, „не уважали ни чиновники, ни воспитанники“ [1]). Во время обѣда, когда директоръ ходилъ по столовой залѣ, онъ былъ, по словамъ Аксакова, публично осмѣянъ учениками, раздраженными за дурную кашу, въ которой кто-то нашелъ кусокъ свѣчнаго сала. Тогда же ночью на стѣнахъ гимназіи явились насквили на директора, начерченные краснымъ карандашемъ крупными, печатными буквами; надписи были помѣщены такъ высоко, что ихъ нельзя было написать безъ помощи лѣстницы, а надпись на куполѣ, вѣнчавшемъ гимназическое зданіе, была признана чудомъ смѣлости и ловкости; виновныхъ не открыли [2]). Вскорѣ недовольство режимомъ Лихачева проявилось въ болѣе опредѣленной формѣ по слѣдующему поводу. Въ субботу, 4-го іюня, въ то время когда воспитанники гуляли

---

[1]) *С. Аксаковъ*, Семейная Хроника и Воспоминанія, ч. II, изд. 2. Москва 1856. стр. 154.

[2]) *Тамъ же.*

послѣ обѣда на чистомъ гимназическомъ дворѣ, въ отдаленной части послѣдняго, у конюшни инспектора, „квартирмейстеръ“ Михайловъ, имѣвшій подъ своей командой гимназическихъ служителей, наказывалъ палками одного изъ нихъ [1]). Вопль бѣднаго инвалида возбудилъ жалость въ ученикахъ и они потребовали отъ квартирмейстера прекращенія экзекуціи. Тотъ отвѣтилъ грубо на требованія воспитанниковъ, которые не остались въ долгу; послѣдовала взаимность словесныхъ обидъ, свидѣтелями которыхъ явились помощникъ надзирателя Поповъ, учитель нижняго нѣмецкаго класса Ахматовъ и секретарь гимназической конторы Прокопенко. Ученики: Княжевичъ Александръ, Пафомовъ и другіе, подступая къ Михайлову, требовали объяснить, за что онъ ихъ обижаетъ: особенно горячился Княжевичъ, который, будучи впереди другихъ воспитанниковъ, всю брань квартирмейстера относилъ къ себѣ. Старшій Княжевичъ, Димитрій, горячо вступившись за брата, увлекъ за собою другихъ учениковъ; квартирмейстеръ ретировался и, оставляя за собою послѣднее слово въ этой ссорѣ, заявилъ, входя на лѣстницу своей квартиры, что между преслѣдующими его учениками „*нѣтъ ни одного благороднаго, а только одни разбойники*“. Помощникъ надзирателя Поповъ, „разведя по комнатамъ учениковъ“, сообщилъ обо всемъ главному надзирателю Фишеру, который, поручивъ разслѣдовать дѣло Попову, донесъ о происшествіи Лихачеву [2]).

---

[1]) Въ *Семейной Хроникѣ* (II, стр. 153—154) происшествіе это ошибочно отнесено къ началу августа, за нѣсколько дней до возвращенія С. Т. Аксакова съ Карташевскимъ изъ деревни.

[2]) *Архивъ Казанскаго университета* № 8-а 1804 г.: Дѣло о безпорядкахъ между воспитанниками гимназіи, случившихся 4, 6 и 8 числъ іюня 1804 г.; объ увольненіи отъ должностей: директора, надворнаго совѣтника, Лихачева и главнаго надзирателя коллежскаго ассесора фонъ Фишера и о препорученіи его должности г-ну инспектору и о исключеніи изъ гимназіи казенныхъ воспитанниковъ: Княжевича 1-го, Пафомова, Крылова и Алехина и о проч. на 94 листахъ. Листъ 35—41: *Слѣдствіе безпорядковъ по части воспитанія, учиненное членами совѣта, инспекторомъ Яковкинымъ, учи-*

Столкновеніе съ „квартирмейстеромъ“ послужило завязкой дальнѣйшихъ осложненій и замѣшательствъ. Княжевичъ старшій, считая себя обиженнымъ въ лицѣ брата, 6-го іюня утромъ просилъ Фишера „*о удовольствіи за означенную обиду*“; повторивъ эту просьбу пріѣхавшему въ контору Лихачеву, Княжевичъ получилъ отъ директора въ отвѣтъ, что Михайловъ „бранилъ не его именно“, а потому Княжевичъ „не имѣетъ права жаловаться на него“. Во время обѣда Княжевичъ и другіе ученики снова обратились къ вошедшему въ столовую директору, прося „объ удовлетвореніи противъ квартирмейстера“ и о допросѣ секретаря Прокопенки „*для засвидѣтельствованія точности жалобы*“. Но Лихачевъ отказалъ вторично. „*Вотъ еще я для тебя стану всякаго призывать*“, сказалъ онъ Княжевичу, усиленно настаивавшему на допросѣ Прокопенки. Среди учениковъ поднялся шумъ; грозя директору, они заявили, что будутъ жаловаться попечителю Румовскому. Встревоженный „необыкновеннымъ крикомъ и угрозами“, Лихачевъ ушелъ. Фишеръ, явившійся въ столовую позже директора, оказался не въ силахъ прекратить „невѣжества“ питомцевъ [1]).

Въ тотъ же день, по выходѣ изъ столовой, ученики, собравшись въ числѣ 30 у дверей гимназической конторы, пытались снова „просить директора объ удовлетвореніи“, причемъ Княжевичъ большой „*говорилъ со слезами: прибьемъ директора, если онъ не разберетъ насъ*“. Надзиратель Васильевъ донесъ о происходящемъ Фишеру, но послѣдній, „не давъ ему никакого рѣшенія, ушелъ домой“ и только инспек-

---

телемъ опытной физики и смѣшанной математики Запольскимъ и учителемъ высшаго нѣмецкаго класса Вильфингомъ (*Приложенія №№ IV—IX*). *I. Ссора воспитанниковъ съ квартирмейстеромъ Михайловымъ, послѣдовавшая іюня 4-го числа* л. 35b—36b.

[1]) *Архивъ Казанскаго университета* 1804 г. № 8a, л. 36b—37b: II. Поступокъ воспитанниковъ во время обѣденнаго стола 6-го числа.—*Тамъ же*, листъ 5: Рапортъ фонъ Фишера Лихачеву отъ 7-го іюня и листъ 8a: Сообщеніе Лихачева въ засѣданіи совѣта 9-го іюня.

торъ Яковкинъ „уговорилъ воспитанниковъ къ покою". Учитель Ахматовъ, бывшій въ то время въ гимназической конторѣ для показаній о ссорѣ воспитанниковъ съ квартирмейстеромъ—подвергся, по выходѣ оттуда, насмѣшкамъ учениковъ. „Что, братъ Ахматовъ, не стыдно ли тебѣ, что ты ложно говорилъ, а не то, что видѣлъ", спрашивали Ахматова Княжевичъ, Алехинъ, Баляпниковъ и другіе, провожая уходящаго къ парадному крыльцу учителя крикомъ и рукоплесканіями [1]). Вечеромъ того же дня ученики производили безпорядокъ во время „фрунта" [2]) и когда надзиратель Лапшинъ, за ужиномъ „выставилъ вонъ ученика Евреинова большого за то, что онъ бросалъ въ кого-то хлѣбомъ, то за дворянскимъ столомъ поднялся шумъ". При появленіи Фишера, шумъ утихъ, но „послѣ вечерней молитвы" питомцы: Пафомовъ, Княжевичъ большой, Перевощиковъ 1-й и другіе, во главѣ съ ученикомъ Баляпниковымъ, игравшимъ на кларнетѣ маршъ, двинулись къ комнатѣ надзирателя Лапшина и „называя его непристойными именами, закидали ему кашей не токмо платье, но даже глаза и всю голову". Спрошенные Фишеромъ о причинѣ „непозволительныхъ поступковъ" ученики отвѣтили, „что обижены квартирмейстеромъ и требуютъ удовлетворенія" [3]). Грубости и ослушаніе воспитанниковъ усиливались. 7-го іюня надзиратель Мейснеръ донесъ Фишеру о кулачной расправѣ старшаго Княжевича „съ комнатнымъ сторожемъ" Васильевымъ, поводамъ къ которой послужило сообщеніе Васильева о томъ, что Княжевичъ„ перерубилъ въ двери комнаты Мейснера доску топоромъ, имѣвшимся у воспитанниковъ тропхъ

---

[1]) *Тамъ же*, листъ 37 и 38: III. Происшествіе по выходѣ изъ столовой у дверей конторы того же 6 іюня; IV. Поступокъ воспитанниковъ съ учителемъ Ахматовымъ въ тоже время.

[2]) Подъ «фрунтомъ» разумѣется строй, въ какомъ ученики ходили въ классъ и въ столовую.

[3]) *Архивъ Казанскаго университета* 1864 г. № 8-а, листъ 38b и 39: Поступокъ воспитанниковъ того жъ 6 числа въ вечеру съ надзирателемъ Лапшинымъ.—*Тамъ же*, листъ 2а и 5b: Рапорты Ахматова и фонъ Фишера Лихачеву отъ 7 іюня.

братьевъ Петровыхъ"; на слѣдующій же день 8-го іюня, послѣ вечерняго стола, тотъ же Княжевичъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками бросали хлѣбомъ въ надзирателя Ридера, а затѣмъ изорвали въ его комнатѣ подушки и изломали кровать [1]).

О поступкѣ учениковъ 6 и 8 іюня Фишеръ своевременно донесъ Лихачеву [2]). Одновременно съ заявленіями главнаго надзирателя поступили къ Лихачеву рапорты Ахматова и самого Михайлова [3]). Указавъ на то, что *„всѣ питомцы явный сдѣлали заговоръ посягнуть руками на лицо директора и бить его"*—Ахматовъ, опасаясь „равныхъ обидъ", какъ показавшій о столкновеніи съ квартирмейстеромъ не въ пользу учениковъ, заявилъ въ своемъ рапортѣ, что въ виду враждебнаго настроенія къ нему воспитанниковъ, онъ *„рѣшился долѣ не ходить въ классы, доколѣ о семъ не будетъ донесено г. попечителю Румовскому и онъ, Ахматовъ, не будетъ выведенъ изъ опасности"*. Съ своей стороны и Михайловъ рапортовалъ Лихачеву, что послѣ происшествія 4-го іюня онъ страшится выходить по обязанностямъ службы, „по вечерамъ, а иногда и ночью", боясь мщенія питомцевъ, которые *„по злости своей могутъ причинить ему что нибудь вреднаго, какъ для здоровья, такъ и для самой жизни, или такого, чрезъ что онъ могъ бы подвергнуться законному взысканію"*. Прося избавить его отъ обидъ, причиняемыхъ ему воспитанниками и унижающихъ его передъ товарищами—Михайловъ доноситъ, что хотя онъ приказалъ часовому *„не пропущать въ ночное время питомцевъ изъ гимназіи"*, но это не исполняется, такъ какъ ученики *„на сопротивленіе часового отвѣчаютъ всегда ругательствами и угрозами и уходятъ свободно"*.

---

[1]) *Тамъ же*, листъ 39b и 40: VI. Поступокъ воспитанниковъ послѣ вечерняго стола съ надзирателемъ Ридеромъ. VII. Поступокъ воспитанниковъ въ комнатѣ надзирателя Мейснера.

[2]) *Тамъ же*, листъ 5 и 6 (*Приложеніе* № 1).

[3]) *Тамъ же*, листъ 4 и 7

Дѣло „о безпорядкахъ воспитанниковъ“ усложнялось. Въ засѣданіи совѣта гимназіи 8-го іюня, созванномъ для разсмотрѣнія относящихся сюда рапортовъ, поданныхъ чиновниками, Фишеръ заявилъ, „что не можетъ болѣе отправлять свою должность и въ ближайшее засѣданіе въ формальной просьбѣ объяснить причины, побудившія его просить увольненія“. Совѣтъ, опредѣливъ представить объ этомъ попечителю, постановилъ: поручить исправленіе должности главнаго надзирателя инспектору Яковкину, обязавъ при этомъ комнатныхъ надзирателей, въ виду „положенія воспитанниковъ“, не отлучаться изъ гимназіи „иначе какъ по одиночкѣ“ и по собственному выбору инспектора [1]). Относительно рапортовъ Фишера, Ахматова и Михайлова, доложенныхъ директоромъ, члены совѣта, „по долгомъ разсужденіи“, не пришли ни къ какому результату и „за позднимъ временемъ“ опредѣлили— отложить дѣло до будущаго засѣданія, которое назначить „экстраординарно“ 9-го іюня [2]).

Выслушавъ въ этомъ собраніи заявленіе Лихачева о „возмутительныхъ поступкахъ воспитанниковъ“ и причины его отказа въ просьбѣ учениковъ—члены, „послѣ многихъ совѣтованій“, опредѣлили: предложить ордеромъ Ахматову „продолжать свой классъ“, причемъ, въ случаѣ какой-либо со стороны воспитанниковъ обиды, Ахматову была обѣщана совѣтомъ защита и удовлетвореніе. Затѣмъ предложено было Яковкину „не допускать учениковъ до сговоровъ, но держать ихъ сколько можно въ порядкѣ каждаго на своемъ мѣстѣ“ и потому имѣть налицо по крайней мѣрѣ половину комнатныхъ надзирателей „на всякой случай“. Для прегражденія воспитанникамъ возможности отлучаться ночью, рѣшено немедленно „сдѣлать на лѣвой сторонѣ, смотря на лицо корпуса, стѣну хотя рѣшетчатую съ воротами“, чтобы такимъ образомъ „запирать на ночь весь гимназическій дворъ“. Для той же

---

[1]) *Дѣло о безпорядкахъ 1804 г. № 8-а* л. 1а. Комнатныхъ надзирателей числилось тогда девять (*тамъ же*).

[2]) *Тамъ же*, л. 1b.

цѣли опредѣлено было сдѣлать замки у всѣхъ дверей, „ведущихъ какъ нибудь изъ спаленъ учениковъ на дворъ“ и запирать ихъ на ночь, а отъ дверей „главнаго прохода“ имѣть два ключа, изъ которыхъ одинъ „ввѣрить на всякой случай дежурному надзирателю“, а другой—караульному солдату, для пропуска чиновниковъ послѣ того, какъ ученики улеглись спать. Кромѣ того—дежурный надзиратель съ дежурнымъ дядькой должны нѣсколько разъ обойти ночью всѣ комнаты „для осмотру дѣтей“. Помимо этихъ предупредительныхъ мѣръ, совѣтъ постановилъ образовать изъ инспектора Яковкина и учителей Карташевскаго и Вильфинга „комитетъ“, для выясненія причинъ „броженія“, „обнаруженія упущеній, чиновниковъ“ и „для открытія виновныхъ воспитанниковъ“ [1]). О мѣрахъ, принятыхъ совѣтомъ, Румовскій былъ извѣщенъ особымъ рапортомъ (11 іюня № 120) [2]), но учитель Эрихъ, при подписи постановленій совѣта 9-го іюня заявилъ, что, „имѣя квартиру въ зданіи гимназіи, онъ предвидитъ для своихъ людей нѣкоторыя неудобства въ разсужденіи запиранія дверей“, а потому оставляетъ за собою право сдѣлать по поводу этого „*особое представленіе*“: что касается до постановленія, принятаго совѣтомъ 8-го іюня относительно Фишера то онъ, Эрихъ, въ этомъ постановленіи участія принимать не желаетъ, такъ какъ Фишеръ, согласно своему изъясненію, сдѣлалъ свое заявленіе „по понужденію“ [3]). Этотъ протестъ Эриха явился первымъ предвѣстникомъ той оппозиціи и особыхъ мнѣній, которыя, подъ эгидой Цеплина, сдѣлались въ скоромъ времени обычнымъ явленіемъ въ совѣтѣ Казанской гимназіи, долго управлявшемъ дѣлами вновь основаннаго университета.

---

[1]) *Тамъ же*, л. 8 и 9.

[2]) Копія рапорта сохранилась *тамъ же* л. 10.

[3]) *Тамъ же* л. 9b.

II.

Успокоеніе «духа своевольства» среди учениковъ.—Выходъ изъ «комитета» Карташевскаго.—Упорство Фишера и его столкновеніе съ комитетомъ и совѣтомъ.—Критическое положеніе Лихачева.—Донесеніе Яковкина объ ученикахъ Баляснико̀вѣ и Пафомовѣ.—Рапортъ совѣта о безпорядкахъ Румовскому.—Пререканія между Лахачевымъ и Фишеромъ.—Вопросъ о «сатирахъ и пасквиляхъ на директора».

Послѣ поступка воспитанниковъ съ надзирателемъ Рпдеромъ 8-го іюня, въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ указаній на дальнѣйшее „броженіе“ питомцевъ Казанской гимназіи: волненіе, очевидно, затихало. По словамъ автора „*Семейной Хроники и Воспоминаній*“, успокоенію „духа своевольства“ способствовало увольненіе ненавистнаго квартирмейстера, вызванное угрожающимъ поведеніемъ учениковъ, которые, „приваливъ толпою къ дверямъ конференціи“ и отрѣзавъ всѣ выходы къ бѣгству перепуганному донельзя директору—заставили его уступить ихъ просьбѣ [1]). Если это извѣстіе объ испугѣ Лихачева и находитъ себѣ подтвержденіе въ признаніи самого директора, по словамъ котораго, во время безпорядковъ 6-го іюня, онъ до того былъ „встревоженъ возмутительными поступками толпы учениковъ, крикомъ и угрозами“, что вынужденъ былъ изъ столовой уйти въ „сосѣднюю залу [2]), то фактъ увольненія квартирмейстера опровергается архивными данными, по которымъ лицо это продолжало свои обязанности и въ слѣдующее время [3]). Авторъ „*Семейной Хроники*“ былъ только современникомъ, но не участникомъ въ „возмущеніи учениковъ“ и, воспроизводя свою „повѣсть“ спустя полвѣка послѣ самихъ событій и по разсказамъ, слы-

[1]) *Аксаковъ* II стр. 156.

[2]) *Дѣло о безпорядкахъ* (1804 г.) л. 8.

[3]) *Архивъ Казанской I гимназіи. Журналы конторы* № 64 1804 года л. 262a, 263a, 265a, 266a, 337a, 458a и др.—*Дѣло Канцеляріи Совѣта Казанскаго университета о увольненіи изъ гимназіи Лахачева и Фишера* № 56, 1804 г. л. 9a, 11, 15a, 16b и др.

шаннымъ имъ въ гимназіи [1])—не имѣлъ возможности провѣрять передаваемое, а впослѣдствіи—могъ и забыть многое изъ разсказа. Причину успокоенія учениковъ слѣдуетъ приписать принятымъ совѣтомъ мѣрамъ, большей бдительности и осмотрительности Яковкина, замѣнившаго временно „ничтожнаго“, по выраженію Аксакова, Фишера. Энергично веденное „комитетомъ“ слѣдствіе о безпорядкахъ и приближающаяся пора лѣтнихъ экзаменовъ оказали также отрезвляющее вліяніе на горячія, увлекающіяся головы. По словамъ Аксакова, „гимназія пришла въ обыкновенный порядокъ“ [2]), но, какъ бы взамѣнъ того, въ средѣ самихъ членовъ совѣта возникли смуты и недоразумѣнія.

Непосредственно послѣ первыхъ засѣданій комитета, образованнаго для выясненія ученическихъ волненій, вышелъ изъ его состава Карташевскій. Хотя выходъ свой онъ мотивировалъ „множествомъ дѣлъ“, сопряженныхъ съ исполненіемъ обязанностей секретаря совѣта [3]), но настоящая причина его несочувствій комитету была, вѣроятнѣе всего, другая. „Возмущеніе“ воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ оказались сыновья лицъ весьма почтенныхъ и вліятельныхъ, вызвало не только много толковъ въ городѣ, но и явилось ареной для личныхъ стремленій, видовъ и счетовъ въ средѣ гимназическаго персонала. Яковкинъ, мастеръ, по выраженію Владимірова [4]), „ловить рыбу въ мутной водѣ“, разсчитывая занять мѣсто безтактнаго и нелюбимаго всѣми Лихачева, стремился поселить раздоръ между нимъ и Фишеромъ, чтобы тѣмъ дискредитировать обоихъ въ свою пользу въ глазахъ попечителя. Скрытные происки Яковкина, желавшаго выказывать себя предъ начальствомъ, не могли не возмущать благородныхъ убѣжденій Карташевскаго, и онъ предпочелъ, подъ

---

[1]) *Скабичевскій*, Исторія новѣйшей русской литературы 1848–1892 гг.) изд. 3. С. Петерб. 1897 стр. 187—188.—*Аксаковъ* II стр. 157.

[2]) *Аксаковъ* II стр. 156.

[3]) *Дѣло о безпорядкахъ* 1804 г. л. 11а, 12а.

[4]) *Историческая Записка* ч. II стр. 30.

благовиднымъ предлогомъ, уклониться отъ совмѣстнаго съ Яковкинымъ разслѣдованія обстоятельствъ дѣла—вмѣсто него былъ назначенъ Запольскій—осложненнаго необдуманными дѣйствіями гимназической администраціи, но вызваннаго, по словамъ Аксакова, „прекраснымъ чувствомъ состраданія и справедливымъ негодованіемъ за грубое и дерзкое оскорбленіе“ [1]).

Съ другой стороны и Фишеръ, поддерживаемый своими земляками, Эрихомъ и Вильфингомъ, отказавшимся подписать „за болѣзнью“ протоколъ разслѣдованія безпорядковъ [2]) — причинилъ не мало хлопотъ гимназіи своимъ самомнѣніемъ и упорствомъ. Не смотря на то что совѣтъ особымъ „ордеромъ“ (9-го іюня № 114) предложилъ всѣмъ чиновникамъ гимназіи являться въ комитетъ и давать отвѣты касательно ученическихъ безпорядковъ [3])—Фишеръ игнорировалъ это постановленіе. По донесенію въ совѣтъ членовъ комитета, Фишера „съ трудомъ можно было дозваться“ и явившись, онъ, не желая отвѣчать „на самые простые вопросы“, предложилъ написать ему требуемые пункты, „на которые, однако, не отвѣчалъ и на другой день [4]). Придя наконецъ, послѣ троекратнаго приглашенія въ комитетъ, онъ, вмѣсто затребованныхъ отвѣтовъ, сталъ жаловаться на превратное толкованіе его рапортовъ секретаремъ совѣта, и, заявивъ, „*что его хотятъ только сбить, отказался давать отвѣты и вышелъ самовольно изъ присутствія съ примѣтнымъ жаромъ*“, угрожалъ принести жалобу самому попечителю [5]). 16 іюня въ совѣтъ поступило „покорнѣйшее представленіе“ Фишера [6]), въ которомъ онъ, указывая на временное порученіе совѣтомъ

[1]) *Семейная Хроника* II стр. 155.

[2]) *Дѣло о безпорядкахъ* л. 33 и 41.

[3]) *Тамъ же* л. 3 и 4.

[4]) *Тамъ же* л. 40b.

[5]) *Тамъ же* л. 40b и 41a.

[6]) *Тамъ же* л. 13 и 14b (*Приложеніе* № III).

должности главнаго надзирателя другому, признаетъ это постановленіе крайне для себя оскорбительнымъ и потому предполагаетъ самъ просить объ увольненіи. Постановленіе совѣта онъ называетъ „*непонятнымъ*“, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ онъ былъ представленъ совѣтомъ попечителю „съ самой выгодной стороны“ и получилъ въ награду третное жалованье. Причину безпорядковъ Фишеръ усматриваетъ въ безтактности директора, распоряженія котораго часто „*несоотвѣтствовали дѣлу*“ и потому „*неуважались питомцами и вели постепенно къ большимъ разстройствамъ*“. Въ заключеніе Фишеръ заявляетъ, что въ гимназіи иногда „съ намѣреніемъ избѣгали строгаго изслѣдованія поступковъ учениковъ, напримѣръ, при сатирахъ и пасквиляхъ на лицо такихъ особъ, которыхъ посты требуютъ площады“. Указавъ, что питомцы всегда исполняли требованія главнаго надзирателя и относились къ нему съ уваженіемъ, Фишеръ проситъ „ввести въ протоколъ“ свое представленіе. Такимъ образомъ, въ сферу занятій совѣта неожиданно вошла новая задача—разсмотрѣніе обострившихся отношеній между директоромъ гимназіи и ея главнымъ надзирателемъ. При большей личной авторитетности, Лихачевъ могъ бы отклонить разсмотрѣніе въ совѣтѣ заявленія Фишера, но возникшія волненія лишили его окончательно всякаго престижа и онъ поневолѣ долженъ былъ искать опоры въ средѣ совѣта. Но разсчеты оказались ошибочными: большинство коммиссіи, съ Яковкинымъ во главѣ, не симпатизировало Лихачеву и совѣтъ, вмѣсто авторитетнаго отстраненія претензій обидчиваго нѣмца, сталъ раздувать его происки, становясь судьею двухъ пререкавшихся сторонъ. Когда 16-го іюня было заслушано въ совѣтѣ приведенное выше „представленіе“ Фишера, то Лихачевъ, какъ бы оправдываясь въ приписываемыхъ ему главнымъ надзирателемъ поступкахъ, сталъ указывать на то, что „*безпорядки между учениками, воровство, обиды надзирателямъ и порчу всякаго рода вещей*“ надлежало изслѣдовать главному надзирателю, не ограничиваясь однимъ донесеніемъ правящему должность

директора. Отклоняя отъ себя упрекъ въ принятіи недостаточныхъ или „противорѣчивыхъ“, по словамъ Фишера, мѣръ, Лихачевъ удостовѣряетъ, что главному надзирателю не было дано порученія „изыскать, кто писалъ сатиры и пасквили“. Съ своей стороны и совѣтъ указалъ Фишеру на то, что нераспорядительность его и усиливавшееся броженіе заставили совѣтъ принять *“сильныя мѣры“*, которыя и самъ Фишеръ считалъ не излишними, причемъ совѣтъ напоминалъ, что Фишеру не разъ дѣлались замѣчанія за „худой порядокъ воспитанниковъ“. Недоумѣвая, *„какимъ страннымъ образомъ совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе“*, члены коммиссіи рѣшили потребовать отъ Фишера изъясненія, „какая была его цѣль при подачи оной бумаги“, изъ которой не видно, *„чего онъ проситъ отъ совѣта“*. При утвержденіи этого постановленія, Эрихъ, желая быть послѣдовательнымъ, прибавилъ, что, не присутствуя въ засѣданіи 8-го іюня, на которое „во всей этой статьѣ дѣлаются ссылки, онъ не можетъ участвовать въ оныхъ разсужденіяхъ“ [1]).

Во время этихъ недоразумѣній съ Фишеромъ, въ засѣданіи совѣта 18 іюня было заслушано заявленіе Яковкина, что казенные ученики Баляснпковъ 1-й и Пафомовъ, вопреки запрещенію, самовольно ушли въ театръ. Совѣтъ, выдѣляя этотъ поступокъ „отъ множества безпорядковъ, оказавшихся въ концѣ управленія Фишера“, опредѣлилъ объявить въ собраніи всѣхъ учениковъ объ арестѣ на мѣсяцъ Баляснпкова 1-го и Пафомова „внутри гимназическаго дому“, съ предупрежденіемъ, „что впередь за подобный поступокъ всякій будетъ лишенъ немедленно казеннаго содержанія“, причемъ въ аттестатѣ учениковъ, замѣченныхъ раньше „въ дерзкомъ ослушаніи противъ начальства“ будетъ сдѣлана отмѣтка *„объ ихъ развратномъ поведеніи, а въ газетахъ будетъ публиковано о совершенномъ исключеніи и изгнаніи ихъ изъ гимназіи“*. При этомъ совѣтъ поручилъ Яковкину объявить ученикамъ, что

[1]) *Тамъ же*, л. 16 и 17а.

въ виду важности ихъ проступковъ 4-го, 6-го и 8-го іюня, „превзошедшихъ всякое чаяніе“, совѣтъ, не снесшись сперва съ попечителемъ округа, „не объявлялъ и не можетъ объявить ни мѣры вины существенно виновныхъ, ни степени наказанія, если кто заслужитъ его“ [1]). Заявленіе это, конечно способствовало совершенному успокоенію воспитанниковъ, о чемъ мы уже говорили.

Между тѣмъ „комитетъ“, окончивъ слѣдствіе о безпорядкахъ, 20 іюня донесъ о результатѣ своихъ занятій совѣту [2]), представивъ при этомъ обстоятельную „выписку обо всѣхъ произшествіяхъ“ и относящіеся къ нимъ документы [3]). По заслушаніи этой выписки въ засѣданіи 21 іюня, совѣтъ въ тотъ же день особымъ рапортомъ (№ 128) донесъ попечителю, какъ о томъ, что ученики „болѣе двухъ сутокъ буянили безпрепятственно“, такъ равно и о мѣрахъ, принятыхъ для прекращенія безпорядковъ [4]). Донесеніе членовъ комитета опредѣлено было препроводить къ Румовскому въ копіи, съ объясненіями Лихачева, относящимися къ его отказу на просьбу Княжевича, къ поведенію учениковъ во время обѣденнаго стола 8-го іюня и къ характеристикѣ бездѣятельности Фишера при безпорядкахъ. При этомъ совѣтъ, донося попечителю о возставленіи „между учениками порядка и тишины“, опредѣлилъ сообщить о постановленіяхъ, принятыхъ совѣтомъ въ засѣданіи 8-го іюня, а также о томъ, „что г. главный надзиратель вмѣсто обѣщаннаго прошенія объ увольненіи по-

[1]) *„Дѣло о безпорядкахъ 1804* г.л. 29 и 30а.

[2]) *„Дѣло о безпорядкахъ“*, *л.* 33а.

[3]) «Выписка» эта, сохранившаяся въ подлинникѣ, раздѣлена на семь отдѣловъ, разобранныхъ выше (стр. 12 и слѣд.). Какъ видно, члены совѣта придавали особенно важное значеніе возложенному на нихъ порученію, такъ какъ въ первый отдѣлъ своей «выписки» внесли мѣстами дословно не только показанія лицъ, причастныхъ «дѣлу», но, en toutes lettres, и *«выраженія, оскорбительныя для благопристойности, дабы сохранить всю точность въ повѣствованіи...»* (*л.* 36а прим.). Шесть послѣднихъ отдѣловъ этого документа напечатаны въ «Приложеніяхъ», № IV—IX.

[4]) *Тамъ-же*, *л.* 32.

далъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ представленіе, въ которомъ между прочимъ утверждаетъ, что какимъ-то страннымъ образомъ побудили его подписать свое увольненіе“ [1]).

Въ день засѣданія 21 іюня получены были и „требуемые отвѣты“ отъ Фишера по ордеру совѣта отъ 17 іюня (№ 127). Называя поступокъ съ нимъ совѣта по прежнему „скорымъ“ и указывая на то, что „*директору легче обвинять другого, чѣмъ оправдать себя*“—Фишеръ снова сваливаетъ вину на начальство гимназіи, отъ котораго онъ не получалъ распоряженій на свои донесенія. Оскорбительный для благопристойности поступокъ чиновника Михайлова съ питомцами поставилъ, по мнѣнію Фишера, все дѣло внѣ круга его обязанностей. О другихъ серьезныхъ проступкахъ учениковъ, какъ наприм., о покражѣ часовъ у г. Делакруа воспитанникомъ, Савиничемъ, о кражѣ ящичка у младшаго Трофимова, произведенной младшимъ Анкудиновымъ, объ изрѣзанной Протоповымъ постели надзирателя Ридера—Фишеръ сообщалъ директору: происшествіе же съ надзирателемъ Лапшинымъ, портретъ котораго былъ изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ—случилось во время двухнедѣльной его, Фишера, болѣзни, послѣ чего онъ былъ удаленъ отъ должности. Противорѣчія и несообразности въ принятіи мѣръ укрощенія воспитанниковъ главный надзиратель видитъ въ томъ, что Лихачевъ и Яковкинъ безъ его вѣдома разрѣшали отпуски такимъ ученикамъ, которымъ онъ отказывалъ въ этомъ. Что касается до „*сатиръ и пасквилей, бросающихъ столь черную тѣнь на особу директора*“—то рукописная сатира была вручена Лихачеву секретаремъ совѣта и предана въ конторѣ сожженію самимъ директоромъ въ присутствіи Фишера и другихъ чиновниковъ; пасквили же на директора появились „на стѣнахъ верхнихъ и нижнихъ покоевъ“: Лихачеву это было хорошо извѣстно, но онъ, какъ указывалось въ предыдущей бумагѣ, уклонился, „по извѣстнымъ мотивамъ“, отъ розысковъ виновныхъ. Не оставилъ

[1]) *Дѣло о безпорядкахъ*, л. 31 и 32а.

Фишеръ безъ вниманія и сдѣланнаго ему въ ордерѣ запроса: „какимъ *страннымъ образомъ* совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе"? Онъ утверждаетъ, что объявленіе объ увольненіи, сдѣланное ему Яковкинымъ въ засѣданіи 8-го іюня, слѣдуетъ признать не страннымъ, а „*необыкновеннымъ*", такъ какъ слово *sonderbar*, употребленное Фишеромъ въ рапортѣ совѣту 16 іюня, неправильно переведено Карташевскимъ и означаетъ болѣе нежели „странный" или „непонятный" [1]). Въ концѣ своихъ „отвѣтовъ" Фишеръ проситъ совѣтъ „ввѣрить ему опять на время отправленіе должности" и предоставить объ его послѣднія бумаги „куратору" [2]).

Новыя объясненія и претензіи Фишера были очень непріятны Лихачеву: оправдывая себя, главный надзиратель причину безпорядковъ и распущенности между учениками видѣлъ въ бездѣятельности директора, и въ томъ, что Лихачевъ не пользовался уваженіемъ среди питомцевъ, которые безнаказанно оскорбляли его анонимными письмами и пасквилями. Обвиненія Фишера могли сильно дискредитировать Лихачева во мнѣніи начальства и потому онъ не оставилъ ихъ безъ возраженій. Въ засѣданіи совѣта 25 іюня, въ которомъ были заслушаны „отвѣты" Фишера, Лихачевъ заявилъ, что шадя его лѣта и состояніе, „фамиліей довольно отягощенное"—онъ, до засѣданія 8-го іюня, не заявлялъ публично въ совѣтѣ „о неспособности главнаго надзирателя къ его должности"—но по поводу „частыхъ неисправностей въ воспитаніи нерѣдко дѣлалъ ему выговоры". Указанные Фишеромъ случаи открытія виновныхъ составляютъ „весьма малую часть безпорядковъ, происходившихъ между учениками". Наказанія назначались директоромъ всегда соразмѣрно проступкамъ воспитанниковъ; о лишенныхъ же отпуска Фишеръ никогда не

---

[1]) Такъ какъ Фишеръ недовѣрялъ точности перевода Карташевскаго, то изложенные «отвѣты» его переведены учителемъ высшаго нѣмецкаго класса Мельхіоромъ Вильфингомъ.

[2]) *Дѣло о безпорядкахъ*, л. 48 и 49а.

доносилъ и самъ не соблюдалъ никакихъ правилъ въ примѣненіи этого взысканія. Наконецъ, относительно сатиръ и пасквилей, Лихачевъ заявилъ, что пакетъ, адресованный на имя директора *„поддѣланной рукой и монетой запечатанный“*, не былъ вскрытъ, а немедленно, по совѣту секретаря, сожженъ. „Какъ можетъ Фишеръ, спрашиваетъ Лихачевъ, называть такое, неизвѣстнаго содержанія, письмо сатирой на лицо того, кому оно адресовано? съ равнымъ правомъ можно бы сказать, что это была на него самого сатира“. О пасквиляхъ никогда не производилось никакого слѣдствія, при томъ же, заключаетъ директоръ, всѣ приводимыя здѣсь Фишеромъ указанія не имѣютъ отношенія къ сдѣланнымъ имъ *„упущеніямъ по должности“*. И совѣтъ, съ своей стороны, не преминулъ указать, что Фишеръ не далъ отвѣта на предложенный ему въ ордерѣ вопросъ: „какимъ страннымъ образомъ совѣтъ побудилъ его подписать увольненіе“? Непонятнымъ, въ глазахъ совѣта, является утвержденіе Фишера, что въ случаѣ обиды ученика постороннимъ лицомъ—„главный надзиратель можетъ освободить себя отъ соблюденія порядка между дѣтьми и дозволить имъ все дѣлать“, не смотря на то, что у главнаго надзирателя имѣется достаточно средствъ для удержанія воспитанниковъ въ повиновеніи. О своемъ увольненіи заявилъ самъ Фишеръ въ засѣданіи 8-го іюня и указаніе на неправильность перевода, въ которомъ говорится объ этомъ увольненіи, не можетъ, по мнѣнію совѣта, имѣть значенія, такъ какъ переводъ рапорта, сдѣланный Карташевскимъ, былъ одобренъ самимъ Фишеромъ. Въ заключеніе совѣтъ постановилъ: препроводить вмѣстѣ съ объясненіями Лихачева обѣ бумаги Фишера попечителю, и, изложивъ образъ дѣйствій главнаго надзирателя—просить указанія: долженъ ли Фишеръ оставаться на своемъ мѣстѣ или его должность слѣдуетъ поручить другому? При этомъ совѣтъ счелъ нужнымъ указать, что, при чтеніи „новаго объясненія“ Фишера, составленнаго *„въ выраженіяхъ, подчиненному противъ начальства непозволительныхъ“*—Эрихъ заявилъ, „что не хочетъ брать участія ни въ

какомъ дѣлѣ, касающемся Фишера". такъ какъ не участвовалъ въ засѣданіи 8 іюня, когда Фишеръ объявилъ о своемъ увольненіи. Въ виду этого, „*совѣтъ, опасаясь, чтобы впредь тотъ же членъ или другіе не отказывались подъ слабыми предлогами отъ рѣшенія дѣлъ, и предвидя многія замѣшательства отъ сего*"—просилъ также попечителя: „*снабдить совѣтъ предписаніемъ для предупрежденія такихъ случаевъ*" [1]).

III.

Отказъ Яковкина отъ должности главнаго надзирателя.—Три предложенія Румовскаго съ вѣту.—«Особливое собраніе» совѣта 10 августа.—«Письменные совѣты» Фишера, Эриха и Мельхіора Вильфинга.—Наказанія виновнымъ воспитанникамъ.

Послѣ представленія, сдѣланнаго Румовскому 28-го іюня, бумажная перестрѣлка между Фишеромъ и совѣтомъ временно прекратилась. Утомленныя взаимными пререканіями обѣ стороны примолкли, въ ожиданіи „начальственныхъ указаній" изъ Петербурга. Близилось время „публичнаго акта"—въ первыхъ числахъ іюля [2])—когда 28 іюня въ совѣтъ поступило прошеніе Яковкина, въ которомъ онъ, указывая на „*скромное и послушное поведеніе питомцевъ и чиновниковъ по части надзиранія и на возстановленный порядокъ*"—просилъ „*поручить должность главнаго надзирателя, кому заблагоразсуждено будетъ, другому*". „*Случающіеся мнѣ припадки*, писалъ Яковкинъ, *ощущаемая слабость въ тѣлѣ, опалость, унылость и блѣдность лица моего, уповаю, послужатъ почтенному совѣту убѣдительнѣйшими свидѣтелями необходимости сей моей просьбы*"... Заявленіе это было большой неожиданностью для членовъ совѣта и самъ Яковкинъ, какъ видно, медлилъ съ своимъ отказомъ отъ должности главнаго надзирателя: прошеніе было

---

[1]) *Дѣло о безпорядкахъ*, л. 50—51. Копія рапорта совѣта Румовскому (28 іюня № 137) сохранилась *тамъ же*, л. 52—53.

[2]) *Аксаковъ* II, стр. 143.

написано 21 іюня, а оффиціально подано въ совѣтъ только 28 числа [1]). Яковкинъ, можно догадываться, откладывалъ дѣло не безъ умысла: онъ ожидалъ исхода пререканій между Лихачевымъ и Фитеромъ и убѣдившись, что оба они въ достаточной степени дискредитировали себя предъ начальствомъ и что поэтому оставленіе ими своихъ должностей должно послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ—онъ настоялъ предъ Лихачевымъ дать оффиціальный ходъ его прошенію, въ полной увѣренности, что вынужденный обстоятельствами совѣтъ будетъ снова просить его не отказываться отъ должности главнаго надзирателя и тѣмъ содѣйствовать его дальнѣйшимъ успѣхамъ въ глазахъ Румовскаго. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, Яковкинъ стремился выставить себя лишній разъ человѣкомъ необходимымъ для завѣдыванія гимназіей, чтобы тѣмъ исподволь пролагать себѣ путь къ директорскому мѣсту. Разсчеты оправдались. Когда 28 іюня было заслушано въ совѣтѣ прошеніе Яковкина, то Запольскій и Карташевскій, убѣждая „не полагаться на наружный видъ спокойствія и порядка между воспитанниками“, предложили просить инспектора не оставлять должности главнаго надзирателя, Лихачевъ же заявилъ, что онъ „въ силу положенія“ препоручилъ уже эту обязанность старшему комнатному надзирателю Попову. Такъ какъ остальные члены (кромѣ Эриха) въ совѣтѣ не присутствовали, то Карташевскій и Запольскій, не соглашаясь съ распоряженіемъ директора, просили извѣстить о происшедшей перемѣнѣ попечителя, записать ихъ „голоса“ въ протоколъ, „а въ будущихъ засѣданіяхъ, когда сойдется большее число членовъ“, вторично разсмотрѣть возбужденный вопросъ. Лихачевъ остался при прежнемъ рѣшеніи относительно замѣщенія должности главнаго надзирателя; Эрихъ же, сославшись на протоколъ 25 іюня, отъ подачи голоса отказался. Всѣ эти разногласія были очень наруку Яковкину, такъ какъ выдвигали его предъ Румовскимъ, какъ человѣка, безъ котораго

[1]) *Тамъ же*, л. 54 (*Приложеніе* № X).

„постоянный порядокъ“ въ гимназіи не могъ быть надлежащимъ образомъ обезпеченъ [1]).

Настали каникулы, а съ ними и затишье въ жизни гимназіи: засѣданія совѣта временно прекратились и дѣло о волненіи среди учениковъ заглохло. По словамъ Аксакова, сначала думали, что дѣло это „не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но очень ошиблись“ [2]). Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ совѣтѣ Казанской гимназіи были получены три предложенія Румовскаго въ отвѣтъ на донесенія о безпорядкахъ въ гимназіи и недоразумѣніяхъ совѣта съ Фишеромъ, Эрихомъ и Вильфингомъ [3]). По заслушаніи этихъ бумагъ въ засѣданіи 3 августа, происходившемъ въ отсутствіе Лихачева, совѣтъ относительно перваго предложенія попечителя (30 іюня № 101), въ которомъ одобрялись мѣры, принятыя совѣтомъ для прекращенія безпорядковъ и предлагалось оставить за Яковкинымъ должность главнаго надзирателя до окончанія слѣдствія—опредѣлилъ: „о прочемъ взять къ свѣдѣнію“ и просить инспектора продолжать исправленіе обязанностей главнаго надзирателя. Но Яковкинъ заупрямился. Ссылаясь на то, что слѣдствіе о безпорядкахъ окончено, онъ отказался принять снова должность главнаго надзирателя, порученную Лихачевымъ Попову; тогда совѣтъ постановилъ: „оставить рѣшительное опредѣленіе о семъ предметѣ до пріѣзда правящаго должность директора“; однако Яковкинъ, отвергавшій, очевидно, авторитетъ Лихачева въ возникшемъ недоумѣніи, отказался подписать и это заключеніе совѣта [4]). Во второмъ предложеніи (11 іюля № 107) Румовскій требовалъ отъ совѣта доставленія свѣдѣній „*о дерзостяхъ каждаго воспитанника, оказавшагося въ безпорядкахъ, чрезъ двои сутки продолжавшихся*“, а также—

---

[1]) *Тамъ же*, л. 55.

[2]) *Семейная хроника*, II, стр. 156—157.

[3]) Копіи этихъ предложеній сохранились въ *томъ-же дѣлѣ* № 8-а (1804 г.) л. 57a, 58b, 61 и 62.

[4]) *Тамъ же* л. 57b.

сообщенія ему объясненій совѣта на пункты представленія Фишера; кромѣ того совѣту вмѣнялось въ обязанность истребовать отъ Фишера письменно объясненіе его несочувственнаго отношенія къ требованіямъ слѣдственнаго комитета, а отъ Вильфинга—письменнаго указанія причинъ, побудившихъ его отказаться отъ подписанія результатовъ слѣдствія. По поводу этихъ предложеній совѣтъ постановилъ: „назначить особливое собраніе 5 августа“ для опредѣленія вины каждаго изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ воспитанниковъ и назначенія соотвѣтствующаго наказанія, а отъ Фишера и Вильфинга потребовать ордерами надлежащихъ объясненій, предписаніе же попечителя, относительно представленія совѣтомъ объясненій на замѣчанія Фишера, считать исполненнымъ, такъ какъ требуемыя объясненія препровождены куратору 28 іюня [1]). Третье предложеніе Румовскаго (14 іюля № 108), заслушанное въ томъ же засѣданіи 3 августа, было особенно непріятно для нѣкоторыхъ членовъ совѣта. „*Въ гимназіи вселился родъ неповиновенія и отступленія отъ должности*“, писалъ попечитель. „*Дерзости воспитанниковъ относилъ я въ началѣ пылкости юношества*“, продолжалъ Румовскій: „*но когда самые члены совѣта иной не подписываетъ слѣдствія якобы за болѣзнью, иной присволяетъ себѣ право входить въ тѣ только разсужденія и дѣла совѣта, въ кои заблагоразсуждаетъ: то заключить долженъ, что пренебреженіе должности и родъ независимости далѣе воспитанниковъ разпространились*“. Затѣмъ Румовскій требуетъ отъ совѣта копіи съ протокола засѣданія 8 іюня, а отъ Фишера—объясненій по поводу несвоевременнаго сообщенія его Лихачеву о происшествіи 4 іюня, а также по поводу сдѣланнаго Фишеромъ заявленія о „*несоотвѣтственныхъ цѣли и противорѣчащихъ мѣрахъ*“, принимаемыхъ директоромъ и инспекторомъ отно-

---

[1]) *Тамъ же*, листъ 58b. Копіи «ордеровъ» совѣта, данныхъ Фишеру и Вильфингу 5 августа (№ 148 и 149) по предложенію Румовскаго, имѣются *тамъ-же*, л. 59 и 60.

сительно нѣкоторыхъ учениковъ, причемъ попечитель предлагаетъ Фишеру объяснить, почему въ своемъ донесеніи совѣту онъ упомянулъ о сатирѣ на директора. Не оставилъ Румовскій безъ вниманія и поведенія Эриха, но предложилъ совѣту истребовать отъ него *письменный отвѣтъ*: „какое право имѣетъ Эрихъ самопроизвольно отказываться въ совѣтѣ отъ сужденія о дѣлахъ, до гимназіи касающихся, будучи избранъ въ члены начальствомъ, и не объявя письменно основательной причины, говоритъ только, что не хочетъ". Указавъ на то, что причина, выставленная Эрихомъ (отсутствіе въ засѣданіи 8 іюня), „несогласна съ законами" и что „*никакая своевольная причина за законную принята быть не можетъ*" — Румовскій добавляетъ, что по полученіи отвѣта на свои требованія, онъ „*дастъ наставленіе, что совѣтъ долженъ дѣлать, когда кто нибудь изъ членовъ въ пренебреженіе должности присвоятъ себѣ будетъ право входить въ разсужденія о тѣхъ только дѣлахъ, о какихъ заблагоразсудитъ*"... Затѣмъ Румовскій спрашиваетъ, не извѣстенъ-ли его совѣтъ, кому принадлежитъ письмо на нѣмецкомъ языкѣ, найденное въ бумагахъ отъ 28 іюня, никѣмъ не подписанное, но почеркомъ сходное съ представленіями Фишера? Въ заключеніе попечитель выражаетъ „особливую благодарность" Яковкину, „благоразумiемъ своимъ споспѣшествовавшему успокоенію волнующихся воспитанниковъ послѣ стола 6 іюня, вступя въ должность ушедшаго домой Фишера, видѣвшаго произшествіе въ залѣ бывшее". Совѣтъ постановилъ: потребовать „ордерами *скорыхъ отвѣтовъ*" отъ Эриха и Фишера, запросивъ притомъ послѣдняго, „не писалъ ли онъ того, письма, о которомъ говоритъ Его Превосходительство"? [1]).

„Особливое собраніе" совѣта, назначенное предварительно на 5 августа было отложено, за неприбытіемъ Лихачева, и состоялось, при полномъ числѣ членовъ, 10 того же мѣсяца [2]).

---

[1]) Копіи этихъ ордеровъ (5 августа № 150 и 151) имѣются въ *дѣлѣ* л. 63 и 64.

[2]) *Тамъ же*, л. 65a, 67b и 82.

Въ засѣданіи прежде всего были заслушаны письменные отвѣты Фишера, Вильфинга и Эриха [1]). Фишеръ оправдывался тѣмъ, что 4 и 5 іюня онъ вмѣстѣ съ комнатнымъ надзирателемъ Поповымъ старался открыть „зачинщиковъ безпорядка“ и потому о происшествіи могъ донести директору только 6 іюня, но отъ него онъ не получилъ никакихъ указаній, „какъ поступить“, а самъ директоръ не принялъ мѣръ для предупрежденія волненій. Далѣе Фишеръ заявлялъ, что онъ неоднократно жаловался директору на отпуски, предоставляемые питомцамъ, безъ его, главнаго надзирателя ,вѣдома, анонимное же письмо на имя директора онъ назвалъ „сатирой„ изъ словъ секретаря, который совѣтовалъ сжечь пакетъ, утверждая, „что это вѣроятно была сатира“. Догадываться объ этомъ, по мнѣнію Фишера, возможно тѣмъ болѣе, „что послѣ сего письма стѣны были измараны пасквилями“ на директора, категорическій вопросъ котораго о сатирахъ и пасквиляхъ и заставилъ Фишера для собственнаго оправданія упомянуть о приведенномъ фактѣ. Письмо безъ подписи было вложено вслѣдствіе поспѣшности—копія вмѣсто оригинала—и объ этомъ Фишеръ просилъ извиненія у попечителя „съ слѣдующей почтой“. По заслушаніи этого, совѣтъ объяснилъ, что первый пунктъ заявленія Фишера не согласенъ съ показаніемъ комнатнаго надзирателя Попова, записаннымъ въ протоколѣ слѣдствія о безпорядкахъ и главный надзиратель обязанъ былъ немедленно донести по начальству о происшествіи. Лихачевъ заявилъ, что онъ никогда не слыхалъ отъ Фишера жалобъ на отпуски учениковъ, что подтвердилъ Яковкинъ, по словамъ котораго, „правящій должность директора никогда почти не мѣшался“ въ это дѣло. Карташевскій удостовѣрилъ,

---

[1]) Копіи отвѣтовъ Вильфинга и Фишера (послѣдній въ переводѣ Карташевскаго) сохранились *тамъ-же*, л. 65 и 67; отвѣтъ Эриха, *«по причинѣ скорописной руки»* секретаря (л. 68а), былъ посланъ Румовскому въ копіи и имѣется при дѣлѣ въ подлинникѣ (л. 66; *Приложе.* № XI). Это едва-ли не единственный, дошедшій къ намъ собственноручный рапортъ старика Эриха, перваго представителя по каѳедрѣ классической филологіи въ Казанскомъ университетѣ.

что онъ никогда не отожествлялъ анонимный пакетъ съ сатирой на Лихачева. Ссылка Фишера на пасквили на стѣнахъ совершенно неосновательна: пасквили появились зимою, анонимное же письмо—лѣтомъ, что, по мнѣнію Карташевскаго, исключаетъ возможность тѣсной связи между двумя фактами. Фишеръ первый началъ говорить о сатирахъ „*и всѣ видѣли, отъ кого онѣ мытятъ*“. Поэтому правящій должность директора, „*желая знать, какъ пришелъ онъ къ сей матеріи, спросилъ его, развѣ ему было препоручено найти сочинителей тѣхъ сатиръ? Ибо иначе не было повода говорить объ нихъ*“. Тогда Фишеръ отвѣтилъ, „что онѣ дѣйствительно были на его (директора) лицо“. Но такого отвѣта „заключать совѣтъ, никто отъ него не требовалъ. Поэтому Фишеръ не имѣетъ права утверждать, что только вопросами директора вынужденъ онъ былъ упомянуть о сатирахъ и пасквиляхъ. Наконецъ, совѣтъ счелъ нужнымъ заявить, что главный надзиратель не являлся въ комитетъ безъ уважительной причины, не смотря „на неоднократныя приглашенія“ [1]).

Отвѣты Эриха и Вильфинга были короче, но основательнѣе объясненій Фишера. Эрихъ заявилъ, что въ дѣлахъ гимназіи, „*до ученой части*“ касающихся, онъ всегда принималъ участіе; въ дѣлѣ же Фишера, не принадлежащемъ „къ ученой части“, онъ, какъ „*не занимающійся судопроизводствомъ*“, отъ разсужденій уклонился, но просилъ совѣтъ представленія Фишера препроводить попечителю. Объясненія Вильфинга сводились къ тому, что онъ только одинъ изъ трехъ членовъ комитета присутствовалъ на всѣхъ „слѣдственныхъ засѣданіяхъ“, причемъ „окончательныя бумаги“ комитета подписывалъ собственноручно. Уже въ послѣднемъ засѣданіи онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, но досидѣлъ до конца, а затѣмъ донесъ совѣту объ усилившейся болѣзни, длившейся двѣ недѣли. Если бы совѣтъ счелъ нужнымъ, чтобы выписка къ попечителю была имъ, Вильфингомъ, под-

[1]) *Тамъ-же*, л. 67b и 68a.

писана, то онъ могъ бы сдѣлать это и дома во время болѣзни, но онъ и теперь остается при мнѣніи, что къ попечителю слѣдовало препроводить копію слѣдствія, а не выписку. Такъ какъ Румовскому не сообщено, что всѣ „подлинники комитетскихъ бумагъ“ Вильфингомъ подписаны, то онъ проситъ настоящее объясненіе препроводить попечителю. Совѣтъ, принявъ безъ возраженій объясненіе Эриха, относительно заявленія Вильфинга замѣтилъ, что инспекторъ болѣлъ два дня, „*а упражненія 3-го члена начались однимъ членомъ, а окончились другимъ, но не прерывались*“. О своей болѣзни Вильфингъ не заявлялъ оффиціально. Но даже „при самой доказанной болѣзни“ невозможно было бы послать все дѣло на домъ для подписи, „ибо краткость времени, оставшагося до окончанія пріема на почтѣ, не позволяла сдѣлать этого“. „Совѣтъ не могъ послать всей кучи документовъ, при слѣдствіи собранныхъ: ибо ни съ чѣмъ не сообразно затруднять главнаго начальника составленіемъ выписки“. Будучи въ предпослѣднемъ засѣданіи, Вильфингъ „не охуждалъ“ выписки и не возражалъ противъ представленія ея попечителю [1]). При подписаніи этихъ постановленій и объясненій совѣта, препровожденныхъ къ Румовскому особымъ рапортомъ (15 августа № 164), Эрихъ замѣтилъ: „Какъ дѣло мое не кончено еще Его Превосходительствомъ, то, минуя представленіе фонъ Фишера, подписуюсь за прочіе пункты“ [2]).

Въ томъ-же засѣданіи, послѣ вторичнаго прочтенія приведеннаго выше предложенія Румовскаго отъ 30 іюня (№ 101), Яковкинъ, съ согласія всѣхъ присутствующихъ членовъ, снова вступилъ въ должность Фишера. Попову же, исполнявшему обязанности главнаго надзирателя во время каникулъ, предложено ордеромъ (30 авг. № 160), „чтобъ онъ опять зналъ только свою комнату“ [3]).

---

[1]) *Тамъ же*, л. 68.

[2]) *Тамъ же*, л. 68b и 69.

[3]) *Тамъ же*, л. 81a, гдѣ, между прочимъ, въ ордерѣ, данномъ Попову, прописано, «что избраніе его со стороны правящаго должность директора,

Послѣднимъ пунктомъ продолжительнаго совѣщанія 10-го августа было опредѣленіе вины и степени наказанія воспитанникамъ, принимавшимъ участіе въ безпорядкахъ. Къ намъ не дошли подробности изъ разсужденій членовъ совѣта по этому вопросу, но изъ сохранившагося въ дѣлѣ опредѣленія [1]) видно, что рѣшеніе состоялось преимущественно на основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдственной коммиссіей, причемъ совѣтъ принималъ во вниманіе, какъ „качество вины, характеръ и отношеніе виновнаго къ обиженному“, такъ и увлеченіе „по вѣтренности возраста и легкомыслію“. Наказаніямъ подверглись „девять питомцевъ казеннаго содержанія“. Княжевичъ 1-й, Нафомовъ, Крыловъ и Алехинъ 1-й были исключены изъ числа воспитанниковъ, причемъ Княжевичу 1-му и Нафомову, „*какъ главнымъ зачинщикамъ всякаго безпорядка*“, опредѣлено было: „*прописать имянно причину ихъ изгнанія*“. Балеспиковъ 1-й, Кузьминскій и оба Петровы—были подвергнуты „строгому аресту въ продолженіи цѣлой недѣли“, съ предупрежденіемъ, что при новомъ ослушаніи они „подвергнутъ себя тому же наказанію, которое назначается для Нафомова и Княжевича“. Наконецъ, Упадышевскому былъ назначенъ арестъ на три дня. Донося объ этомъ постановленіи Румовскому особымъ рапортомъ (15 августа № 168) [2]), совѣтъ прибавилъ, „что въ исключаемыхъ, кромѣ Княжевича, охота къ ученію въ послѣднюю половину прошлаго курса примѣтно уменьшилась и они явно обнаруживали желаніе свое оставить гимназію“.

чтобъ быть въ продолженіе вакаціи главнымъ надзирателемъ, должно служить для него новымъ побужденіемъ къ отличію себя въ дѣятельности и усердіи по своей должности, чего и будетъ ожидать отъ него совѣтъ».

[1]) *Тамъ же*, л. 82.

[2]) Копія рапорта, въ который вошли и прочія постановленія совѣта въ засѣданіи 10 августа, сохранилась въ томъ же *дѣлѣ*, л. 83 и 84б.

IV.

Сообщеніе С. Т. Аксакова объ арестѣ «16 человѣкъ изъ высшаго класса».— Финалъ «дѣла о безпорядкахъ».— Сближеніе Цеплина съ нѣкоторыми членами совѣта и отношеніе его къ безпорядкамъ.—Отстраненіе Цеплина отъ участія «въ упражненіяхъ совѣта».

Въ архивныхъ документахъ мы не находимъ дальнѣйшихъ указаній на мѣропріятія совѣта относительно гимназическихъ безпорядковъ: постановленія 10-го августа были послѣдними въ этомъ родѣ и окончательное ихъ утвержденіе, какъ увидимъ ниже, послѣдовало уже со стороны петербургскаго начальства. Но въ „*Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ*“ современника описываемыхъ событій, С. Т. Аксакова, имѣется пространное указаніе на то, что директоръ, сообщивъ высшему начальству о происшедшемъ „*и по чьему-то совѣту войдя въ сношенія съ губернаторомъ*, принялъ слѣдующія мѣры: черезъ нѣсколько дней, во время обѣда, вдругъ вошли въ залу солдаты съ ружьями и штыками, вслѣдъ за ними появился губернаторъ и директоръ. Послѣдній вызвалъ по именамъ шестнадцать человѣкъ изъ высшаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, старшаго Княжевича, и подъ прикрытіемъ вооруженныхъ солдатъ приказалъ отвести ихъ въ карцеръ. Всѣ остальные были поражены ужасомъ и мертвая тишина царствовала въ залѣ. *У всѣхъ наружныхъ дверей гимназіи было поставлено по два солдата съ ружьями и штыками; у дверей карцера стояло четверо.* Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого печальнаго событія, повѣствуетъ дальше Аксаковъ, пришелъ я первый разъ по возвращеніи съ вакацій, или правильнѣе сказать изъ Кощакова, въ свой высшій опротѣвшій классъ, гдѣ встрѣтили меня сейчасъ разсказанною мною повѣстью. Тутъ сдѣлалось мнѣ понятно, отчего разумный мой наставникъ [1]) сначала не позволилъ мнѣ ходить въ классы, а потомъ увезъ меня въ де-

[1]) Здѣсь разумѣется Карташевскій, у котораго Аксаковъ жилъ въ то время пансіонеромъ (*Сем. Хроника* II, стр. 135 сл.).

ревню. Безъ всякаго сомнѣнія, я былъ бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи“ [1]).

Изъ словъ автора „*Семейной Хроники и Воспоминаній*“, а также изъ предшествующаго его разсказа о пріѣздѣ 15 августа въ Казань изъ села Аксакова [2])—слѣдуетъ несомнѣнно, что принятіе Лихачевымъ описанныхъ выше „мѣръ“ относится къ началу учебнаго полугодія послѣ лѣтнихъ каникулъ. Поводомъ къ репрессаліямъ послужила, по всей вѣроятности, возможность новыхъ безпорядковъ, обусловленная сдѣлавшимся извѣстнымъ въ гимназіи постановленіемъ совѣта 10 августа, относящимся къ опредѣленію наказанія виновнымъ воспитанникамъ. Собравшіеся „по возвращеніи съ вакаціи“, питомцы старшаго класса затѣвали новое волненіе и лишенный всякаго нравственнаго вліянія въ гимназіи Лихачевъ, одна внѣшность котораго вызывала отвращеніе въ воспитанникахъ [3])—рѣшилъ замѣнить моральное воздѣйствіе грубой силой „ружей и штыковъ“. Какъ долго продолжалось заточеніе шестнадцати упомянутыхъ въ „*Семейной Хроникѣ*“ воспитанниковъ, мы не знаемъ, такъ какъ Лихачевъ, судя по имѣющимся даннымъ, не доносилъ о своихъ мѣропріятіяхъ ни совѣту, ни попечителю. Трудно, однако, допустить, чтобы арестъ питомцевъ длился до ноября мѣсяца, когда въ гимназіи было получено рѣшеніе высшаго начальства объ участи виновныхъ; какъ мѣра устрашенія—заключеніе въ карцерѣ могло ограничиться нѣсколькими днями, но „солдатскіе караулы“ и „осадное положеніе“ поддерживались въ гимназіи до

---

[1]) *Сем. Хроника*, II стр. 157.

[2]) *Аксаковъ* II, стр. 153.

[3]) *Тамъ же*, стр. 154: «...директоръ гимназіи, Лихачевъ, былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ карикатурную наружность, не внушавшую расположенія; между прочимъ, нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы. Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его»...

совершеннаго прекращенія дѣла о безпорядкахъ [1]). Выраженіе Аксакова—„оспротѣвшій классъ“—несомнѣнно указываетъ на то, что подвергнутые аресту не допускались одно время на уроки. „Мѣры“ достигли своей цѣли: съ началомъ новаго учебнаго года тишина воцарилась въ гимназіи и трусливый не въ мѣру Іихачевъ могъ спокойно ожидать подъ охраной „солдатскаго караула“ предписаній начальства.

Но ожидаемыя предписанія пришли не скоро. Получивъ рапортъ отъ 15 августа, Румовскій увѣдомилъ совѣтъ (6 октября № 203), что, „не хотя самъ собою положить рѣшенія“, онъ препроводилъ все дѣло о безпорядкахъ на заключеніе Главнаго Училищъ Правленія [2]). Послѣднее постановило: учениковъ—*Княжевича* 1-го и *Нафомова*, „*какъ главныхъ виновниковъ безпорядка, многія противъ начальства оказавшихъ дерзости, въ примѣръ другимъ, наказавъ недѣльнымъ арестомъ*“, а *Крылова 1-го* и *Алехина*, трехдневнымъ „*подъ крѣпкою стражею содержаніемъ*“—исключить всѣхъ четверыхъ изъ гимназіи; *Баляснякова, обоихъ Петровыхъ, Упадышевскаго*—„*наказавъ чрезъ три дня строгимъ арестомъ*“—рѣшено было оставить въ гимназіи „*для ихъ отличныхъ способностей*“, объявивъ имъ, „что если они впредь окажутся въ подобныхъ дерзостяхъ, то будутъ также исключены изъ гимназіи“ [3]). Изъ этого видно, что, сравнительно съ опредѣленіемъ совѣта, Главное Училищъ Правленіе усилило наказаніе первымъ четыремъ воспитанникамъ, которые, сверхъ того, по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія, были исключены „*безъ аттестатовъ*“. Нѣсколько смягчено было наказаніе Баляснякову и Петровымъ, Кузьминскій же, подвергнутый совѣтомъ недѣльному аресту, очевидно, былъ прощенъ, такъ какъ имени

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 158.

[2]) Копія предложенія Румовскаго совѣту имѣется въ *дѣлѣ* л. 85, но съ ошибочной помѣткой 3 октября (вм. 6; *Приложеніе* № XII).

[3]) *Копія съ копіи выписки журнала Главнаго Училищъ Правленія* отъ 6 октября 1804 г. статья 11 № 522 (*тамъ же*, л. 86а; *Приложеніе* № XIII).

его нѣтъ въ опредѣленіи Правленія [1]). Къ представленію Румовскаго о Фишерѣ, Эрихѣ и Лихачевѣ Главное Училищъ Правленіе отнеслось весьма строго. Фишеръ, будучи признанъ „*или неспособнымъ къ занимаемой имъ должности или по старости недѣятельнымъ*“, былъ „*отставленъ*“ отъ своихъ обязанностей. Эриху, отказавшемуся „*самовольно и безъ основательной причины отъ сужденія по поданному отъ Фишера объясненію*“—предложено было „*въ совѣтѣ учинить строгій выговоръ и объявить, что ежели кто впредь окажетъ подобное неповиновеніе, таковой, какъ ослушникъ, исключенъ будетъ изъ гимназіи*“ [2]) Что касается Лихачева, то, не смотря на „должную справедливость“, отданную ему въ представленіи Румовскаго Главному Училищъ Правленію—послѣднее, „*отнесши ему въ вину, что онъ допустилъ вкрасться дерзостямъ въ юношахъ, не принялъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ прекращенію зла сего и далъ ему усилиться, когда оно обнаружилось*“—опредѣлило: „*во избѣжаніе подобныхъ неустройствъ, удалить его отъ исправляемой имъ должности директора по гимназіи*“. Вмѣстѣ съ этими постановленіями обязанности главнаго надзирателя и директора были поручены Яковкину [3]).

Изложенныя предложенія попечителя и постановленія Главнаго Училищъ Правленія были получены въ Казани только 15 ноября и, разумѣется, произвели тяжелое впечатлѣніе на многихъ членовъ совѣта: Лихачевъ заболѣлъ, Фишеръ, смиренно выслушавъ распоряженіе высшаго начальства, вскорѣ затѣмъ получилъ „приличный аттестатъ“ (1 декабря № 240); торжествовалъ одинъ Яковкинъ: ожиданія его сбылись: соединяя въ своихъ рукахъ три должности—учителя, инспектора и главнаго надзирателя—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и главою

---

[1]) Къ числу исключенныхъ Аксаковъ (*Сем. Хр.* II, 157) присоединяетъ и *Сыромятникова*, но это несомнѣнный lapsus memoriae, такъ какъ такого ученика не было въ ту пору въ гимназіи.

[2]) *Дѣло о безпорядкахъ* etc. № 8-й (1804 г.) л. 86.

[3]) *Тамъ же*, л. 85 и 86b.

учебнаго заведенія [1]. По заслушаніи въ засѣданіи совѣта 16 ноября предписаній начальства, ихъ объявили ученикамъ [2]. „Опять явился, пишетъ Аксаковъ [3], „въ столовую залу губернаторъ, директоръ и весь совѣтъ, прочли бумагу, въ которой была объяснена вина возмутившихся воспитанниковъ, и сказано, что въ примѣръ другимъ восемь человѣкъ изъ высшаго класса, признанныхъ главными зачинщиками... исключаются изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи [4]). Исключены были самые лучшіе ученики. Дмитрій Княжевичъ и Алехинъ считались красою, славой гимназіи. По исполненіи приговора, которымъ всѣ были глубоко поражены и опечалены, вывели солдатскіе караулы изъ гимназіи и сняли осадное положеніе, которымъ мы очень оскорблялись". Такъ печально окончилось надѣлавшее столько шума *„Дѣло о безпорядкахъ между воспитанниками Казанской гимназіи"*. Но прошло немного времени и пріупывшее „юное народонаселеніе ги-

---

[1]) *Тамъ же*, л. 85-а и 87.—Лихачевъ подалъ прошеніе объ увольненіи «за слабостью здоровья» немедленно—16 ноября 1804 г.—и получилъ отставку 10 декабря того же года. Но аттестатъ о службѣ, съ указаніемъ на то, что «должность свою онъ исправлялъ съ усердіемъ и прилежаніемъ» (*Приложеніе* № XIV) былъ выданъ Лихачеву только чрезъ два года, вслѣдствіе того, что при сдачѣ имъ гимназическаго имущества и подрядовъ, заключенныхъ въ бытность его директоромъ, Яковкинъ усмотрѣлъ упущенія и недочеты, вызвавшіе особую переписку между Конторою гимназіи, Румовскимъ и нѣкоторыми правительственными учрежденіями Казани. Дѣло затянулось и аттестатъ о службѣ былъ полученъ Лихачевымъ только въ концѣ октября 1806 г., при семъ, однако, онъ лишился причитающагося ему жалованья по гимназіи съ 1 октября по 10 декабря 1804 г. и на имѣніе его въ Казанской губерніи было наложено запрещеніе въ обезпеченіе недоимки по подряду дровъ для гимназіи въ суммѣ 911 р. 16 коп. (*Архивъ Казанскаго универс.* 1804 г. № 56: Дѣло канцеляріи совѣта о увольненіи изъ гимназіи отъ должностей Лихачева и Фишера, л. 32—58 а).

[2]) *Дѣло о безпорядкахъ* (1804 г.) л. 87 b.

[3]) *Семейная Хрон.* II стр. 157—158.

[4]) Сообщеніе объ исключеніи 8 учениковъ безъ аттестаціи въ поведеніи—не точно, этому ограниченію подверглись только четверо изъ удаленныхъ

мназіи, по словамъ его бытописателя, [1]), стало забывать печальное событіе, опять зашумѣло, запѣло, запрыгало, захохотало—и жизнь понеслась впередъ, какъ будто ничего не бывало".

Мы обстоятельно изложили ходъ дѣла о безпорядкахъ въ Казанской гимназіи, имѣя въ виду не только восполнить этимъ существенный пробѣлъ въ исторіи развитія внутренней жизни нашихъ средне-учебныхъ заведеній въ начальный періодъ ихъ существованія — но и охарактеризовать ту среду и обстоятельства, при которыхъ началась служебная дѣятельность старѣйшаго по времени назначенія казанскаго профессора. Заброшенный судьбою на далекій, едва обнаруживавшій первые проблески культурнаго развитія Востокъ европейской Россіи — одинокій Цеплинъ, свыкшійся съ жизнію интеллигентныхъ сферъ Германіи, Прибалтійскаго края и Петербурга, естественно долженъ былъ по своемъ пріѣздѣ въ Казань искать сближенія съ наиболѣе родственной ему по духу, стремленіямъ и задачамъ средой сослуживцевъ, особенно же съ членами тогдашняго совѣта гимназіи. Но здѣсь, за рѣдкими исключеніями, онъ встрѣчалъ прискорбное разочарованіе. Глава гимназіи—Лихачевъ, не будучи ни ученымъ, ни педагогомъ и не обладая качествами симпатичнаго человѣка — естественно не могъ привлечь къ себѣ расположенія Цеплина, въ глазахъ котораго онъ былъ только чиновникомъ, а не руководителемъ учебнаго заведенія. Хитрый, искательный характеръ Яковкина — не соотвѣтствовалъ прямому, открытому образу мыслей перваго казанскаго профессора. Минуя Левицкаго и Мельхіора Вильфинга, не выдававшихся сколько нибудь среди членовъ совѣта, Цеплинъ легче всего могъ сойдись съ Эрихомъ, фонъ Фишеромъ, Карташевскимъ. Воспитанникъ германскихъ университетовъ, Эрихъ, вмѣстѣ съ Фишеромъ, были главнѣйшими изъ представителей тогдашней нѣмецкой колоніи въ Казани и уже по одному чувству зем-

[1]) *Аксаковъ* II стр. 158.

лячества могли разсчитывать на дружественное къ нимъ отношеніе Цеплина. Какъ мѣстные жители, практически ознакомленные съ особенностями русской гимназіи, оба они были дороги Цеплину, какъ земляки и люди, имѣвшіе возможность поставить его au courant тогдашней казанской жизни и требованій гимназическаго режима. Благородный, энергичный характеръ Карташевскаго и его стремленія къ научному совершенствованію и развитію привлекали къ нему академически образованнаго Цеплина и сближеніе между ними, какъ можно заключить изъ повѣствованія современника, послѣдовало уже въ первые мѣсяцы ихъ совмѣстнаго служенія [1]); тогда же, вѣроятно, сошелся Цеплинъ и съ Заполькимъ, другомъ и землякомъ Карташевскаго. Возникшіе вслѣдъ за пріѣздомъ Цеплина безпорядки въ гимназіи и недоразумѣнія среди членовъ совѣта, вызывавшія естественно обмѣнъ мыслей въ гимназическихъ кружкахъ — могли только способствовать бо́льшему сближенію перваго казанскаго профессора съ симпатичной ему средой сослуживцевъ.

Какъ относился Цеплинъ къ происходившимъ въ гимназіи неурядицамъ, мы, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, можемъ судить только предположительно. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ слѣдуетъ прежде всего признать, что въ виду указаннаго выше сближенія Цеплина съ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта, онъ не могъ быть вполнѣ равнодушнымъ къ возникшимъ замѣшательствамъ и волненіямъ. Участіе въ безпорядкахъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ изъ лучшаго казанскаго общества вызывало много толковъ въ городѣ; исходомъ дѣла сильно интересовалась „нѣмецкая колонія“, представители которой Эрихъ, Фишеръ и Мельхіоръ Вильфингъ подали поводъ къ особымъ о нихъ донесеніямъ попечителю. Къ сожалѣнію, Цеплинъ съ самаго пріѣзда въ Казань не принималъ оффиціальнаго участія въ функціяхъ гимназической жизни. Учебныя занятія его были отложены до августа, — а участіе

[1]) *Аксаковъ* II стр. 162—163.

въ засѣданіяхъ совѣта должно было послѣдовать только по открытіи университета. Еще въ первой половинѣ іюня совѣтъ прослъ предписанія попечителя относительно участія Цеплина въ совѣтскихъ засѣданіяхъ. Отвѣтъ Румовскаго (30-го іюня № 1052) по этому поводу былъ заслушанъ въ совѣтѣ гимназіи только 3-го августа. Попечитель увѣдомлялъ, что „поелику всѣ дѣла въ совѣтѣ производятся на россійскомъ языкѣ, который г. Цеплину чуждъ", то онъ находитъ неудобнымъ участіе Цеплина „въ упражненіяхъ совѣта до учрежденія университета, но почитаетъ полезнымъ въ потребныхъ случаяхъ спрашивать у него частно совѣта, особливо по предметамъ до его части относящимся". По выслушаніи этого предписанія, совѣтъ постановилъ: *„взять о семъ къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію"* [1]). Но *„потребные случаи"*, указанные Румовскимъ, не представлялись и оффиціальное участіе Цеплина въ „упражненіяхъ совѣта" послѣдовало не раньше февраля будущаго года. Тѣмъ не менѣе, жгучее дѣло о безпорядкахъ несомнѣнно предоставляло Цеплину поводъ разъ высказывать частнымъ образомъ свои взгляды и мнѣнія, и мы имѣемъ основаніе предполагать, что при указанномъ выше сближеніи перваго казанскаго профессора съ представителями нѣмецкой колоніи и при свойственномъ ему стремленіи къ коллегіальному обсужденію дѣлъ и склонности къ оппозиціи, неоднократно проявленной Цеплинымъ впослѣдствіи—онъ не устранилъ себя совершенно отъ вліянія на образъ дѣйствій и настроеніе своихъ земляковъ, Фишера и Эриха, протесты которыхъ, во время происходившихъ неурядицъ, не лишены признаковъ предварительнаго корпоративнаго соглашенія. Весьма возможно, что и неожиданный отказъ Карташевскаго отъ участія въ разслѣдованіи безпорядковъ произошелъ не безъ павѣтовъ Цеплина и близкихъ къ нему по-

[1]) *Акты Казанскаго* [illegible] въ Казанскій университетъ 1804 г. № 4 л. 16.

лей. Само впечатлѣніе, произведенное на Цеплина разсказами и сужденіями о смутахъ въ гимназіи, не могло быть съ его стороны благопріятнымъ для большинства членовъ совѣта, такъ какъ всѣ они, кромѣ Эриха, какъ бы tacito consensu обвиняли во всемъ Фишера и воспитанниковъ, забывая при этомъ, что волненію весьма много способствовалъ безтактный образъ дѣйствій самаго Лихачева и что классное поведеніе учащихся, по заявленію Яковкина, заслуживало въ то время совершеннаго одобренія [1]). Но особенное негодованіе Цеплина долженъ былъ возбудить самый финалъ безпорядковъ. Воспитанникъ гуманитарной нѣмецкой школы, престижъ которой опирается на нравственное воздѣйствіе воспитателей на учениковъ, Цеплинъ, конечно, не могъ примириться съ внезапнымъ появленіемъ грубой военной силы въ стѣнахъ учебнаго заведенія, не могъ уразумѣть примѣненія ружей и штыковъ для успокоенія необдуманно увлекшихся головъ юныхъ питомцевъ. Тяжелое впечатлѣніе, несомнѣнно, произвели на Цеплина и мѣры, принятыя противъ Фишера и Эриха; увольненіе перваго изъ нихъ и строгій „реприманднъ“ второму предостерегали, что виновныхъ въ обличеніи упущеній начальства и въ самостоятельномъ отношеніи къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію совѣта — можетъ ожидать чувствительное возмездіе. Таковы были взгляды и отношенія Цеплина къ надѣлавшимъ столько шума безпорядкамъ, представшимъ, словно зловѣщій прологъ къ тѣмъ смутамъ и неурядицамъ, которыя спустя годъ по открытіи университета возникли въ средѣ его членовъ и завершились увольненіемъ уже самаго Цеплина и его горячихъ приверженцевъ.

---

[1]) *Дѣло о безпорядкахъ* 1804 г. № 8 л. 40.... «Инспекторъ показалъ что когда 7 іюня, обходя классы, началъ онъ увѣщевать учениковъ высшаго французскаго класса, изъ которыхъ многіе наканунѣ особенно отличились своею дерзостью, то Княжевичъ большой на его рѣчь: *безъ ума надобно быть людямъ, чтобъ поступить такъ буйно*, съ жаромъ отвѣчалъ сими словами: *я не безъ ума*. Когда же инспекторъ хотѣлъ наказать его, поставивъ на колѣни, то онъ не сталъ на колѣни, говоря: *за что? я не виноватъ*. Впрочемъ это есть единственное ослушаніе и единственный безпорядокъ учениковъ въ классахъ».

V.

Начало учебной дѣятельности Цеплина.—Его «профессорскои классъ».—Основаніе университета и прибытіе въ Казань Румовскаго.—«Производство» или [illegible]

Съ окончаніемъ каникулъ, настало время учебныхъ занятій Цеплина въ гимназіи. Въ собраніи совѣта 13 августа опредѣлено было составить для него „профессорской классъ“ изъ слѣдующихъ 12-ти учениковъ: Александра Васильева, Владиміра Графа, Петра Кондырева, Андрея Шубина, Петра Баляснякова, Осдора Риттау, Василія Кузьминскаго, Андрея Протопопова, Дмитрія Княжевича, Павла Попова, Никифора Андреева и Николая Манассеина. Представляя объ этомъ попечителю, совѣтъ доносилъ, „что Цеплину дано нѣсколько лишнихъ учениковъ потому, что въ продолженіи курса изъ числа ихъ въ каждомъ классѣ обыкновенно нѣсколько убываетъ“ [1]).

Такъ какъ „профессорской классъ“ былъ составленъ для Цеплина 13 августа, то преподавательская дѣятельность старѣйшаго казанскаго профессора началась не ранѣе 14-го или 16-го числа того же мѣсяца. Къ сожалѣнію, къ намъ дошло немного свѣдѣній о характерѣ этой дѣятельности. Изъ „*Собранія расположеній учебнаго времени*“ [2]), а также изъ „*Собранія рапортовъ дежурныхъ по классамъ офицеровъ*“—Яковкина и Перевощикова—усматривается, что уроки Цеплина происходили „дополудни“, по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ и что преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ [3]). Но какимъ отдѣламъ науки обучалъ Цеплинъ—свѣдѣній не имѣется даже въ мѣсячныхъ отчетахъ инспектора, которому преподаватели обязаны были, по уставу гимназіи, подавать каждый мѣсяцъ рапорты о прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи

---

[1]) *Дѣло объ опредѣленіи Цеплина въ Казанскій университетъ* 1804 г. № 4, л. 10.

[2]) *Архивъ Казанскаго унив.* 1805 г. № 33 (71): Росписаніе учебныхъ часовъ съ августа 1804 г. по августъ 1805 г.

[3]) *Архивъ Казанскаго унив.* 1804 г. № 21 л. 53b, 55b и др.

учениковъ [1]): весьма вѣроятно, что Цеплинъ, какъ находившійся на особомъ положеніи въ гимназіи, былъ освобожденъ отъ этой процедуры. Объ успѣхахъ класснаго преподаванія Цеплина говоритъ Яковкинъ, по свидѣтельству котораго, посѣщая историческій классъ Цеплина въ гимназіи неоднократно, онъ, по отвѣтамъ учениковъ и по „*партикулярнымъ*" разпросамъ его самаго, убѣдился, что ученики Цеплина понимаютъ его хорошо [2]). Авторъ разсказовъ „*Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета*" не рѣшается признать это указаніе вполнѣ справедливымъ, хотя предшествующая педагогическая дѣятельность Цеплина и его занятія въ германскихъ университетахъ несомнѣнно много говорятъ въ пользу основательной его подготовки къ званію опытнаго наставника. Молчаніе Аксакова о личности и урокахъ Цеплина, отмѣченное тѣмъ же авторомъ [3]), не можетъ имѣть значенія для оцѣнки педагогической дѣятельности перваго казанскаго профессора, такъ какъ Аксаковъ не былъ ученикомъ Цеплина въ гимназіи [4]). Въ ноябрѣ былъ исключенъ за участіе въ безпорядкахъ Дмитрій Княжевичъ и Цеплинъ лишился лучшаго ученика, бывшаго, по словамъ Аксакова, „красою, славой гимназіи" [5]); выбыли также до окончанія курса Александръ Васильевъ и Андрей Протопоповъ [6]). Преподавалъ Цеплинъ весьма неправильно и въ зимній семестръ 1804 года онъ не былъ въ классѣ всего одинъ разъ — 2 сентября [7]) — что составляло замѣтную противоположность съ служебными маркировками нѣкоторыхъ

---

[1]) *Тамъ же*, 1804 г. № 20.—*Владимірова*, Историч. Записка о первой Казанской гимназіи, ч. II стр. 18.

[2]) *Булычъ*, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, I стр. 72.

[3]) *Тамъ же* стр. 73 прим. 18

[4]) Приведенный выше списокъ учениковъ Цеплина Булычу неизвѣстенъ, какъ и вообще все «Дѣло» о назначеніи перваго казанскаго профессора.

[5]) *Семейная Хрон.* II стр. 158.

[6]) *Списокъ учениковъ первой Казанской гимназіи* (Приложеніе къ Истор. Зап. Владимірова) стр. 3—4.

[7]) *Архивъ Казанскаго унив.* 1804 г. № 21 л. 23ъ.

учителей, вынудившими Яковкина къ угрозамъ *„взять виновныхъ на замѣчаніе“*, согласно опредѣленію совѣта [1]).

Классными занятіями съ учениками въ гимназіи и ограничивалась вся служебная дѣятельность Цеплина до открытія университета. Въ другихъ функціяхъ учебной жизни онъ не принималъ никакого участія и въ архивныхъ дѣлахъ за послѣдніе мѣсяцы 1804 года мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія хотя бы на присутствіе Цеплина въ какомъ либо совѣщаніи „до предмета его относящемся“, въ совѣтѣ, какъ и прежде, всѣ дѣла рѣшались Яковкинымъ, Эрихомъ, Запольскимъ, Левицкимъ, Карташевскимъ [2]). Это невольное, оскорбительное для самолюбія, пассивное положеніе Цеплина, тяжело отражалось на его впечатлительномъ, энергичномъ и настойчивомъ характерѣ и естественно побуждало горячо желать скорѣйшаго открытія университета, въ стѣнахъ котораго ему предстояло быть полноправнымъ членомъ. Желанія эти должны бы и осуществиться въ непродолжительномъ времени.

Не смотря на то, что во главѣ образованнаго въ 1802 году Министерства Народнаго Просвѣщенія стоялъ графъ Завадовскій, человѣкъ ничтожный, назначенный министромъ только „pro forma“ [3]), представляемое имъ учрежденіе, руко-

---

[1]) *Тамъ же* 1805 г. № 26: *Исходящая совѣта гимназіи* 1805 г. л. 3b: Ордеръ дежурному офицеру Перевощикову 27 января 1805 г. № 14.

[2]) Это видно, между прочимъ, изъ объемистаго, на 124 листахъ фолiанта «Собраніе разныхъ входящихъ бумагъ за 1804 г». (*Арх. Казанскаго унив.* № 64).—Участіе въ совѣтѣ Мельхіора Вильфинга, *«за опредѣленіемъ его въ учреждаемый Казанской губерніи въ городѣ Козельскѣ Лѣсной Институтъ»*, прекращается съ 22 сентября, подпись же Лихачева на бумагахъ совѣта изчезаетъ съ первой половины ноября 1804 г. (*Арх. Казанскаго унив.* 1864 г. № 14. Дѣло по предписанію г. попечителя училищъ объ увольненіи изъ гимназіи учителей нѣмецкихъ классовъ Мельхіора и Антона Вильфинговъ, опредѣленныхъ въ Лѣсной институтъ и т. д. л. 1 и 46).

[3]) Въ письмѣ къ Лагарпу императоръ Александръ I такъ характеризуетъ графа Завадовскаго. «*Онъ ничтоженъ* (il est nul), всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторыжскаго и др.; нѣтъ бу-

водимое энергичными и опытными его членами — товарищемъ министра М. Н. Муравьевымъ, кн. Адамомъ Чарторыскимъ, Клингеромъ и другими—проявляло необыкновенную дѣятельность. Уже въ концѣ перваго года учрежденія министерства, 12 декабря 1802, былъ изданъ актъ постановленія университета въ Дерптѣ, а 24 января 1803 года были Высочайше утверждены „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія", содержавшія выработанный въ министерствѣ планъ учрежденія и управленія высшими и низшими учебными заведеніями. Организованы были шесть учебныхъ округовъ. Въ городахъ были учреждены гимназіи и уѣздныя училища. 18 мая 1803 года былъ утвержденъ уставъ или общія постановленія Виленскаго университета и училищъ его округа. 25 іюня того же года состоялось образованіе новаго регламента для академіи наукъ. 16 апрѣля 1804 года въ Петербургѣ былъ учрежденъ педагогическій институтъ, для приготовленія юношества къ учительской дѣятельности; онъ составлялъ отдѣленіе предполагаемаго къ учрежденію въ Петербургѣ университета [1]). Въ то же время Главнымъ Правленіемъ Училищъ были составлены уставы для предположенныхъ къ открытію университетовъ Харьковскаго и Казанскаго.

Слухи о предстоящемъ основаніи университета въ Казани пошлись въ городѣ еще до прибытія Цеплина; эти слухи окрѣпли, когда стало извѣстнымъ, что Цеплинъ назначенъ преподавателемъ гимназіи только временно, до открытія университета. Наконецъ, въ декабрѣ 1804 года получилось офи-

---

маги, которая не была бы обработана имъ или человѣка, назначеннаго имъ. Частныя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія либо преграды добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до-нельзя: *настоящая овца* (un vrai mouton); словомъ, *онъ ничтожество и пригоденъ въ составъ министерства только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ*» (*Н. Шильдеръ*, Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе, т. 2-й С.-Пб. 1897 стр. 96).

[1]) *Шильдеръ*, тамъ же, стр. 104 и 106.

ціальное увѣдомленіе, что уставъ университета 5 ноября подписанъ въ Петербургѣ Государемъ [1]). Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе въ кружкахъ гимназіи, изъ которой, какъ изъ питомника, многое должно было перейти въ возникающій университетъ. По словамъ Аксакова, лучшіе ученики высшаго класса, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, надѣялись, что будутъ произведены въ студенты: [2]) имъ открывалась широкая перспектива высшаго образованія. На улучшеніе своего положенія разчитывали и многіе представители преподавательской корпораціи, особенно же члены тогдашняго совѣта, познанія которыхъ могли найти себѣ примѣненіе въ стѣнахъ новаго учрежденія. Опредѣлялось вполнѣ и почетное, видное положеніе Цеплина, какъ старѣйшаго члена нарождавшейся профессорской корпораціи. Эти ожиданія и разсчеты оправдались въ скоромъ времени. 30 января 1805 года конторою гимназіи было получено предписаніе Румовскаго (16 января 1805 г. № 15) приготовить въ гимназическомъ домѣ комнаты и кладовую для отправляющагося по Высочайшей волѣ визитатора нѣкоторыхъ училищъ Казанскаго Округа, а 13 февраля, по постановленію Конторы, всѣ чиновники гимназіи были оповѣщены чрезъ квартермистра о состоявшемся наканунѣ прибытіи попечителя въ Казань [3]). Событіе это, по свидѣтельству современника, взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно ея старшій классъ [4]). На слѣдующій день, 14 февраля, попечитель прибылъ въ Совѣтъ

---

[1]) *Аксаковъ* II стр. 162. Подлинникъ этого устава, раздѣленнаго на XVI главъ и 185 параграфовъ подписали: графъ Петръ Завадовскій, Петръ Свистуновъ, Михайло Муравьевъ, князь Адамъ Чарторыскій, Графъ Северинъ Потоцкій, Федоръ Клингеръ, Степанъ Румовскій, Николай Озерецковскій, Николай Фусъ. Скрѣпилъ правитель дѣлъ: Иванъ Мартыновъ.

[2]) *Тамъ же* II стр. 163.

[3]) *Архивъ Казанскаго университета* 1805 года № 19: Дѣло о прибытіи въ Казань г. попечителя С. Я. Румовскаго, л. 1 и 2а.

[4]) *Аксаковъ* II стр. 162.

гимназіи и, прочитавъ лично Высочайше конфирмованную утвердительную грамоту Казанскаго Императорскаго университета, объявилъ затѣмъ объ утвержденіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія Яковкина профессоромъ, а Карташевскаго, Эриха, Запольскаго и Левицкаго—адъюнктами университета. Осмотрѣвъ затѣмъ помѣщеніе гимназіи и найдя все „въ надлежащемъ устройствѣ и исправности" — Румовскій, собравъ засѣданіе совѣта, приказалъ записать результатъ произведенной имъ ревизіи въ протоколъ, причемъ было постановлено привести вновь назначенныхъ профессора Яковкина и четырехъ адъюнктовъ къ присягѣ, а въ Московскихъ Вѣдомостяхъ „напечатать объ основаніи Казанскаго университета" [1]). Это засѣданіе было первымъ, въ которомъ, по сохранившимся архивнымъ даннымъ, принималъ участіе Цеплинъ. Но подлиннаго протокола самаго засѣданія къ намъ не дошло; въ копіи же его, скрѣпленной „за секретаря" адъюнктомъ Запольскимъ, упоминается только о подписи Румовскаго и *прочихъ членовъ* совѣта [2]).

Такъ скромно и безпритязательно совершилось оффиціальное *основаніе* Казанскаго университета [3]). Но шумно и съ веселіемъ привѣтствовали народившуюся alma mater новый профессорскій кружокъ и представители гимназіи. Однажды вечеромъ, сообщаетъ Аксаковъ [4]), собралось къ Карташевско-

---

[1]) *Архивъ Казанскаго универ.* 1805 г. № 2: Дѣло объ основаніи Императорскаго Казанскаго университета, л. 1.

[2]) *Тамъ же* л. 2а.

[3]) Такъ смотрѣлъ на этотъ актъ самъ Румовскій: «*формальное открытіе*» университета онъ предполагалъ сдѣлать не раньше февраля 1807 года (Архивъ Казанскаго университета, *Протоколы Совѣта* 1806 г. № 28 кн. I л. 56b).

[4]) *Семейная Хрон.* II стр. 162—163. — Аксаковъ не указываетъ точно времени этого собранія у Карташевскаго, но изъ разсказа видно, что оно имѣло мѣсто *до* производства въ студенты учениковъ, послѣдовавшаго 22 февраля. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ сообщеніи автора *Семейной Хроники* говорится о присутствіи на пирушкѣ у Карташевскаго *двухъ новыхъ пріѣзжихъ профессоровъ*, Цеплина и Германа, прибывшихъ въ Казань *вмѣстѣ съ Румовскимъ*. Здѣсь, очевидно, память измѣнила Аксакову, такъ какъ Цеп-

му много гостей: профессоръ Цеплинъ, правитель канцеляріи попечителя, Петръ Ивановичъ Соколовъ и всѣ старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно... были веселы и шумны... всѣ поздравляли другъ друга: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и и профессоры гимназическихъ учителей.... Гости просидѣли до трехъ часовъ, выпили очень много пуншу и вина и многіе уѣхали очень навеселѣ.... О назначеніи Яковкина ординарнымъ профессоромъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Яковкина незаслуженнымъ по ограниченности его ученыхъ познаній.... Говорили также о предстоящемъ производствѣ учениковъ высшаго класса въ студенты“....

„Производство“ это или „назначеніе“ совершилось столь же просто, безъ особеннаго торжества, какъ и открытіе университета. 22 февраля, въ присутствіи попечителя, въ большой гимназической залѣ, Яковкинъ, какъ правящій должность директора, вызвалъ по списку назначенныхъ учениковъ, прочелъ имъ изъ грамоты и устава статьи объ обязанностяхъ студентовъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые должны составлять педагогическій институтъ, и о ихъ привиллегіяхъ, и привѣтствовалъ какъ ихъ, такъ и оставшихся въ гимназіи учениковъ, которымъ ставилъ первыхъ въ примѣръ, краткою рѣчью. Изъ студентовъ: Кондыревъ и А. Панаевъ привѣтствовали Румовскаго стихами, Перевощиковъ подпесъ ему свое упражненіе въ стихахъ, а Поповъ опыты искусства рѣзьбы на кости. Въ заключеніе самъ попечитель сказалъ наставленіе студентамъ и ученикамъ, объяснивъ имъ цѣль ихъ воспитанія и обязанности

линъ явился въ Казань уже къ 1 іюня 1804 года, а Германъ былъ назначенъ профессоромъ только въ апрѣлѣ 1805 г. (*Н. Запоскинъ*, Матеріалы для исторіи кафедръ и учрежденій Казанскаго университета, I (Казань 1899) л. 21а). Этотъ lapsus memoriae косвенно исправляетъ ниже самъ Аксаковъ, говоря, что при открытіи университета 14 февраля 1805 г. было всего *два профессора: Яковкинъ и Цеплинъ* (Сем. Хрон. стр. 165).

къ Монарху и отечеству. [1]) Всѣхъ студентовъ было выбрано 33, изъ которыхъ 6 были своекоштными, 26 казенными воспитанниками, 1 пансіономъ. Имъ были отведены „двѣ особыя комнаты", находившіяся въ завѣдываніи „достойнѣйшихъ" студентовъ, измѣнены нѣсколько гимназическіе мундиры [2]) и улучшенъ столъ. Родителямъ вновь назначенныхъ студентовъ было объявлено „чрезъ циркулярное письмо, съ какимъ намѣреніемъ сыновья ихъ переводятся въ университетъ и сколько времени по окончаніи курса должны пробыть въ учительской должности" [3]). Первымъ по алфавиту студентомъ значится *Аксаковъ Сергѣй*, 14 лѣтъ, поступившій въ гимназію 16 января 1801 года. Въ день *перваго публичнаго торжественнаго собранія университета* 9-го іюля 1805 года были розданы первымъ 33 студентамъ шпаги и переведено въ студенты еще восемь учениковъ гимназіи [4]).

Съ восторгомъ встрѣтили первые питомцы Казанскаго университета свое производство въ студенты. „Шумная радость, говоритъ по этому поводу участникъ событія, одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и да-

---

[1]) *Владимірова* II, стр. 6—7.—*Буличъ* I стр. 71.

[2]) Платье учениковъ гимназіи было темнозеленое съ суконнымъ воротникомъ пунцоваго цвѣта для дворянъ и темнозеленаго—для разночинцевъ (См. *нашъ* очеркъ: Петръ Андреевичъ Цепллинъ, *Учен. Зап. Казанскаго Унив.* 1899 г. *октябрь, Унив. Лѣтопись* стр. 174).

[3]) Архивъ Казанскаго университета. *Книга о поведеніи студентовъ Педагогическаго Института Казанскаго университета* 1805—1820 г. № 1 л. 3.

[4]) Полные списки этихъ первыхъ студентовъ напечатаны въ *Период. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія* № XII стр. 521 и у *Владимірова* II стр. 7—8; неполный ихъ перечень—у *Аксакова* II стр. 165—166. Буличъ не приводитъ списка студентовъ, причемъ, говоря объ основаніи университета (I, стр. 70—71), оставляетъ безъ вниманія, какъ относящіяся сюда свѣдѣнія изъ *Семейной Хроники* (II стр. 162—167), такъ и архивное *дѣло* Казанскаго университета (1805 г. № 2). Списокъ первыхъ студентовъ Казанскаго университета, заимствованный изъ «*Книги о поведеніи студентовъ Педагогическаго Института Казанскаго университета съ 1805 года*», приведенъ нами полностью въ *Приложеніи* (№ XV), съ указаніемъ возраста, происхожденія и времени поступленія въ гимназію каждаго изъ нихъ.

вали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало... Любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество... Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. ....Многіе воспитанники, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ тоже время университетскія лекціи.... Карташевскій читалъ для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе...“ [1])

Такъ, въ нѣдрахъ Казанской гимназіи зарождался новый міръ молодыхъ студентовъ, полный неподдѣльнаго, горячаго увлеченія благородными задачами университетскаго образованія. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“, озарившее многія свѣтлыя стороны тогдашняго общественнаго развитія, одушевляло и первыхъ питомцевъ Казанскаго университета, открывавшаго имъ широкій путь къ высшему образованію и свѣтлую перспективу новой жизни и дѣятельности.

[1]) *Аксаковъ* II стр. 164—165, 174.

ПРИЛОЖЕНІЯ

(№№ I—XV).

№ I.

(Архивъ Казанскаго Университета, Дѣло 1804 г. № 8-а л. 5).

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ

Господину Надворному Совѣтнику, правящему должность директора въ Гимназіи, Александру Логиновичу Лихачеву.

Главнаго надзирателя Коллежскаго Ассесора фонъ Фишера

РАПОРТЪ.

Сего Маія 6-го числа во время обѣденнаго стола оказали питомцы разныя грубости и ослушанія. Во первыхъ, при Вашемъ Высоблагородіи подняли шумъ и дѣлали разныя невѣжества, отъ чего однако я унялъ, но по окончаніи стола сошедши въ низъ, собрались они въ кучу человѣкъ до 30-ти и произвели чрезвычайной шумъ, не взирая на всѣ увѣщанія и угрозы дежурныхъ надзирателей. Во вторыхъ, въ вечеру недождавшись они прочихъ своихъ товарищей, собираемыхъ дежурными изъ прочихъ комнатъ въ сборную, ушли сами на верхъ, вскорѣ потомъ взошелъ я въ столовую залу и сколько можно прекратилъ шумъ. По окончаніи стола, въ низу собралось ихъ человѣкъ 20, которые бросали въ надзирателя Лапшина, снесеннымъ ими со стола хлѣбомъ; а съ надзирателемъ Васильевымъ приказалъ имъ итти въ комнаты, и тѣмъ нѣ-

сколько прекратилъ ихъ буйство. Послѣ, когда всѣ успокоились, я ушелъ домой; но вскорѣ пришелъ ко мнѣ надзиратель Лапшинъ и донесъ, что послѣ вечерней молитвы питомецъ Баляснивовъ, схвативъ кларнетъ, заигралъ маршъ, по которому питомецъ Пафомовъ, Княжевичъ большой, Переводниковъ 1-й, Крыловъ 1-й и Петровы оба, Алехинъ, Кузминской и прочіе шли маршемъ до комнаты надзирателя Лапшина, и остановясь противъ его, 1-й Пафомовъ имѣя въ рукахъ кусокъ хлѣба, бросилъ ему прямо въ лицо, чему послѣдовали и прочіе, и называя его непристойными именами, ушли по комнатамъ. Я, пришедши опять въ гимназію, нашелъ уже ихъ легшихъ спать, почему и оставилъ разбирать о причинѣ ихъ буйства до сего числа.—Сего дня поутру въ 6 часовъ призывалъ вышесказанныхъ питомцевъ въ контору, и спрашивалъ о причинѣ ихъ буйства, и непозволительныхъ поступкахъ, на что они мнѣ сказали, что обижены г-мъ квартирмейстеромъ, и требуютъ удовлетворенія; болѣе же ничего не объявили.—О чемъ Вашему Высокоблагородію симъ на благоразсмотрѣніе и имѣю честь представить: Главный надзиратель *Карлъ фонъ Фишеръ*.

Іюня 7-го дня
1804 года.

№ II.

(Тамъ же л. 3).

КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ ИЗЪ СОВѢТА

Служащимъ при семъ училищѣ.

Совѣтъ изъ четырехъ рапортовъ поданныхъ разными чиновниками на имя правящаго должность директора, а симъ предложенныхъ на разсмотрѣніе собранія, также изъ словъ самаго правящаго должность директора усмотрѣлъ, до какой

степени дошли неустройства между воспитанниками сего училища. Почему Совѣтъ изъ среды своей назначилъ трехъ членовъ: Господина Инспектора Яковкина, г-на учителя высшаго нѣмецкаго класса Вильфинга и господина учителя высшей математики и секретаря совѣта Карташевскаго, для слѣдствія по поводу сихъ прискорбныхъ извѣстій. Сіи члены должны разсмотрѣть справедливость всѣхъ донесеній въ оныхъ рапортахъ заключающихся, изыскать причины близкія и отдаленныя, произведшія такое волненіе между учениками, такой безпорядокъ и такой развратъ, узнать рядъ мѣръ, какія были приняты, какъ при настоящемъ случаѣ, такъ и при другихъ случаяхъ, которые можетъ быть не рѣдко появлялись уже и приуготовили такъ сказать настоящее броженіе,—обнаружить опущенія чиновниковъ по ихъ частямъ и открыть виновныхъ воспитанниковъ. Почему рекомендуется всѣмъ, кому настоящей ордеръ предъявленъ будетъ, давать онымъ тремъ членамъ отвѣты письменно или на словахъ только, просто или съ подпискою, и дѣлать все то, чего они потребуютъ какъ относящагося ихъ препорученію. *Александръ Лихачевъ.*

Левъ Левицкій.

14-го класса *Петръ Курбатовъ.*

Іюня 9-го дня
1804-го года.
№ 114.

№ III.

(Тамъ же л. 13 и 14-b).

Въ Совѣтъ Императорской Казанской гимназіи главнаго надзирателя Коллежскаго Ассесора фонъ Фишера.

ПОКОРНѢЙШЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Какъ въ засѣданіи совѣта 8-го числа сего мѣсяца такимъ страннымъ образомъ былъ я побужденъ подписать свое увольненіе; притомъ въ томъ же актѣ изображено, что я дол-

женъ письменно изъяснить поводъ и причины тому: то имѣю честь отвѣчать симъ Совѣту.

Послѣ жаркихъ споровъ на языкѣ мнѣ неизвѣстномъ—на французскомъ—подошелъ ко мнѣ г. инспекторъ Яковкинъ, и объявилъ, что совѣтъ опредѣлилъ препоручить должность мою на время другому. Такой скорой, меня обезчещивающій поступокъ, натурально долженъ былъ сдѣлать сильное впечатлѣніе на стараго слугу своего Монарха и Государства, которой въ продолженіи 42-хъ лѣтней службы не навлекъ на себя никогда—такихъ поступковъ со собою(?): я рѣшился лучше просить самъ объ увольненіи моемъ.

Когда подумаю, что сей оскорбительный для меня шагъ сдѣланъ безъ предварительныхъ изслѣдованій, даже безъ малѣйшаго чаятельнаго предположенія—далѣе, когда подумаю, что Совѣтъ до сего времени неизъявилъ мнѣ никакого виду неудовольствія управленіемъ моимъ, но еще представлялъ меня съ самой выгоднѣйшей стороны Его Превосходительству г-ну куратору Румовскому при послѣднемъ производствѣ, по поводу котораго я получилъ въ подарокъ и награжденіе треть моего жалованія; то поступокъ Совѣта кажется мнѣ непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что я съ того времени нетолько продолжалъ отправлять мою должность съ ревностію, но и ревность самую старался продолжать всячески. Если принять, что Совѣтъ для укрощенія послѣднихъ и для предупрежденія будущихъ безпорядковъ почелъ нужнымъ принять сильныя мѣры, что конечно похвально; то должно бы было по моему мнѣнію и меня спросить и посовѣтоваться со мною, какъ съ главнымъ надзирателемъ и членомъ совѣта, и до дѣйствительнаго пополненія сихъ мѣръ дать мнѣ изъ среды своей помощника, или предписать, какъ я иначе долженъ былъ поступать.— Но я приступаю къ великому и важному вопросу, отчего послѣдній безпорядокъ и всѣ предъидущіе нестоль важные произошли.

Извѣстно Совѣту, что исполненіе должностей моихъ, особенно тѣхъ, которыя касаются спокойствія, порядка и благо-

пристойности воспитанниковъ, зависитъ только отъ приказаній, получаемыхъ мною отъ г-на директора. Я никогда непропускалъ доносить ему словесно или письменно даже о самыхъ ничего незначущихъ произшедствіяхъ; но что весьма рѣдко были имъ дѣланы надлежащее изслѣдованіе и приняты мѣры; и что тѣ и другія либо несоотвѣтствовали дѣлу, либо даже были противорѣчивы, слѣдовательно оставались безъ дѣйствія—сего невозможно поставить на мой счетъ. Такіе шаги, несоотвѣтствующіе своей цѣли, и опущеніе другихъ, патурально должны были имѣть тѣ печальныя слѣдствія, что его приказанія и распоряженія не уважались питомцами, и вели постепенно къ большимъ разстройствамъ. При таковомъ положеніи неудивительно, если и мнѣ неудавалось иногда открыть истину. Сверхъ того находятся, какъ извѣстно, случаи, при которыхъ съ намѣреніемъ избѣгаютъ строгаго изслѣдованія, напримѣръ при сатирахъ и пасквиляхъ на лицо такихъ особъ, которыхъ посты требуютъ пощады.

Между тѣмъ, относительно себя я никогда не имѣлъ причины жаловаться на поведеніе воспитанниковъ, не былъ никогда ими обиженъ ни прямо ни другимъ какимъ образомъ, но еще личныя приказанія мои всегда ими исполнялись, чрезъ что я и могъ сдѣлать то, что я всегда возстановлялъ порядокъ.

Почему прошу Совѣтъ покорнѣйше принять надлежащимъ образомъ сіе мое объясненіе на разсужденіе, и приказать ввести его въ протоколъ.

Главный надзиратель Кол. Асс. *фонъ Фишеръ.*

За вѣрность перевода Секретарь *Гр. Карташевскій.*

Казань. 14-го іюня 1804.

№№ IV—IX.

(Слѣдствіе о безпорядкахъ по части воспитанія. тамъ же л. 36-b—40).

Поступокъ воспитанниковъ во время обѣденнаго стола 6-го числа.

6-го іюня поутру на молитвѣ ученикъ большой Княжевичъ, чувствуя себя обиженнымъ отъ квартирмейстера въ лицѣ брата меньшаго, просилъ, говорить онъ (подъ № 2 засѣданія комитета 16-го іюня) главнаго надзирателя о удовольствіи за означенную обиду. Потомъ, когда по пріѣздѣ г. Директора въ контору, тогда же по утру Княжевичи оба призваны были въ контору для представленія своей претензіи, то г-нъ директоръ сказалъ имъ (№ 3 того же засѣданія): *поелику де квартирмейстеръ бранилъ тѣхъ, кто его обругалъ, но не тебя именно; то ты не имѣешь права жаловаться на него.*— Чего однакожъ приводимые большимъ Княжевичемъ свидѣтели: надзиратель Поповъ, учитель Ахматовъ, секретарь Прокопенко и казначей Баперъ не утвердили (какъ значится тамъ же).

По окончаніи классовъ (продолжаетъ Княжевичъ большой) когда воспитанники сѣли за обѣденной столъ и вошелъ въ залу г-нъ директоръ, большой Княжевичъ съ прочими товарищами (№ 4 того же засѣданія) продолжалъ туже просьбу объ удовлетвореніи противъ квартирмейстера, и когда онъ, Княжевичъ, началъ просить г-на директора о призывѣ въ залъ секретаря Прокопенко для засвидѣтельствованія точности своей жалобы; то г-нъ директоръ отвѣчалъ: 1) Поелику де, по свидѣтельству Прокопенко, квартирмейстеръ не ругалъ васъ лично, но того, кто его обидѣлъ; то онъ г-нъ директоръ удовольствія ему Княжевичу не дѣлаетъ; и 2) когда Княжевичъ успѣльно настоялъ противъ призыву секретаря Прокопенко: *вотъ еще я для тебя всякого стану призывать.*—Поелику же въ сіе время по должности были и комнатные надзиратели,

то каждой изъ нихъ въ письменныхъ своихъ объясненіяхъ показали, либо что не слыхали разговоровъ между учениками и г-мъ директоромъ, либо что г-нъ директоръ не принималъ во уваженіе просьбы воспитанниковъ, а оправдывалъ квартермистра и велѣлъ имъ просить законнымъ порядкомъ; либо, что ученики будутъ жаловаться господину попечителю Румовскому; либо что они кричали г-ну директору: *берегись, если не удовлетворятъ ихъ прозьбу.* Также происходилъ тутъ шумъ, который мало или совсѣмъ почти не былъ унятъ, и что г-нъ главный надзиратель пришелъ въ залъ уже послѣ г-на директора. (См. №№ 10. 11. 12. 13. 14). О дѣятельности же его въ сіе время, яко главнаго надзирателя, вопреки рапорта его къ г-ну директору, упоминается во всѣхъ объясненіяхъ ученика большаго Княжевича и комнатныхъ надзирателей очень мало.

Произшествіе по выходѣ изъ столовой у дверей конторы того жъ 6-го іюня.

Надзиратель Васильевъ, какъ дежурный сего числа показываетъ (засѣд. ком. 16-го іюня № 5): „по окончаніи стола, когда г-нъ директоръ пошелъ въ контору, воспитанники собравшись въ низу человѣкъ до тридцати, подошли къ дверямъ конторы и уговаривались просить опять г-на директора объ удовлетвореніи. Причемъ Княжевичъ большой говорилъ со слезами: *прибьемъ его* (г-на директора) *есть ли онъ не разберетъ насъ.* Когда же между тѣмъ вышелъ изъ конторы г-нъ главный надзиратель и онъ (Васильевъ), отозвавъ его на парадное крыльцо, просилъ о наставленіи противъ нарушителей порядка, то г-нъ главной надзиратель, не давъ ему никакого рѣшенія, ушелъ домой. Но какъ однако волненіе между воспитанниками не переставало, то онъ. Васильевъ, принужденъ былъ, вошедъ въ контору, объявить о томъ гласно г-ну директору; послѣ чего, когда инспекторъ уговорилъ вос-

питанниковъ къ покою, то директоръ въ сіе время уѣхалъ домой. Дежурный Лапшинъ, поелику онъ оставался въ залѣ, о произшествіи семъ не знаетъ ничего (№ 10), кромѣ, что видѣлъ г-на инспектора уговаривающаго воспитанниковъ въ ихъ легкомысліи. И такъ, поелику кромѣ надзирателя Васильева въ толпѣ сей изъ чиновниковъ не было никого, то справедливость заговора должна основываться на одномъ только показаніи надзирателя Васильева. Г-нъ главный надзиратель въ рапортѣ своемъ къ г-ну директору говоритъ о семъ обстоятельствѣ мимоходомъ только, не входя почти ни въ какое слѣдствіе".

Означенные въ томъ же рапортѣ г-на главнаго надзирателя къ г-ну директору ученики въ допросахъ своихъ (подъ №№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23) показали: что *большой Княжевичъ, Шафомовъ, большой Крыловъ, и Александръ Истровъ* — были въ толпѣ, прочихъ не могши яко бы разобрать, по заговору де не дѣлали, а намѣревались просить г-на директора объ удовлетвореніи противъ квартирмейстера.

Поступокъ воспитанниковъ съ учителемъ Ахматовымъ въ тоже время.

Учитель Ахматовъ въ объясненіи своемъ (подъ № 24) на рапортъ къ г-ну директору, говоритъ: „что когда, по засвидѣтельствованіи въ конторѣ при ученикѣ Княжевичѣ большомъ произшествія брани, вышелъ онъ, Ахматовъ, изъ конторы; то большіе *Княжевичъ, Крыловъ, Балясниковъ, Поповъ, также Алехинъ* и *Кузминскій* говорили ему (Княжевичъ): „что братъ Ахматовъ! не стыдно ли тебѣ, что ты ложно говорилъ, а не то, что видѣлъ? Когда же казначей Баннеръ [увѣщевая] при семъ произшествіи началъ увѣщевать ихъ въ такой дерзости и Ахматовъ, пользуясь случаемъ, пошелъ отъ нихъ на парадное крыльцо, то они, даже и преслѣдуя его, продолжали туже укоризну съ рукоплесканіемъ". — Казначей Баннеръ, равно

какъ и секретарь Прокопенко (который учениковъ не могъ примѣтить по причинѣ смѣянія) рукоприкладствомъ на показаніе Ахматова объясненіе его во всей точности подтвердили.

Изъ допрашиванныхъ (подъ № 15, 23) о семъ воспитанниковъ участвовавшіе въ произшествіи сами показали, что были подлѣ Ахматова дѣйствительно: Алехинъ, Кузминскій и большіе: Балясниковъ, Княжевичь, Крыловъ.

Поступокъ воспитанниковъ тогожъ 6-го числа въ вечеру съ надзирателемъ Лапшинымъ.

Въ вечеру тогожъ числа надзиратель Васильевъ, яко дежурный съ надзирателемъ Лапшинымъ, въ объясненіи своемъ (подъ № 6-го засѣд. 16-го) показалъ: „что когда надзиратель Лапшинъ во время вечерняго стола выставилъ вонъ ученика большаго Евреинова, за то, что онъ бросалъ въ кого то хлѣбомъ: то за дворянскимъ столомъ поднялся шумъ, и онъ Евреиновъ сознался большими Балясниковымъ и большимъ Петровымъ (?), что Евреиновъ и сдѣлалъ вопреки приказаніямъ надзирателя Лапшина. Г-нъ главный надзиратель, когда ему о семъ объявлено было, къ столу пришелъ и казалось всѣ успокоились: послѣ чего онъ по окончаніи стола опять ушолъ домой. Потомъ, когда надзиратель Васильевъ пошелъ въ комнату товарища Лапшина приказать ложиться спать—увидѣлъ, что нѣсколько воспитанниковъ съ Балясниковымъ, игравшемъ на кларнетѣ маршъ, пришедъ къ нему Лапшину маршемъ же, бросали въ него хлѣбомъ, чему, когда онъ Васильевъ хотѣлъ попрепятствовать, получилъ и себѣ нѣсколько ударовъ въ голову тѣмъ же хлѣбомъ, брошеннымъ на Лапшина. Г-нъ главный надзиратель, будучи извѣщенъ о семъ Лапшинымъ же самимъ, въ гимназіи былъ: и поелику воспитанники находились тогда уже въ постѣляхъ, отложивъ разбирательство до другого дня, ушолъ домой“.

Дежурный надзиратель Лапшинъ (въ рапортѣ къ главному надзирателю), соглашаясь съ Васильевымъ въ нарушеніи воспитанниками тишины, какъ во время фрунта [1]) такъ и стола (вечерняго), начинщиками показываетъ воспитанниковъ: Алехина, Пафомова, Крылова большаго, также большихъ: Веселова, Княжевича, Упадышевскаго. Евреинова, и слѣдственно большихъ же Баляснякова и Петрова. Сверхъ сего, въ происходившемъ съ ними буйствѣ не упоминая ни слова о ученикѣ Баляснякове, преимущественно считаетъ себя обиженнымъ ученикомъ *Пафомовымъ*, который, согласивъ съ собою большихъ: Крылова, Княжевича, Упадышевскаго и другихъ кидали въ него хлѣбомъ въ комнатѣ въ вечеру даже и при главномъ надзирателѣ, не говоря о таковомъ же поступкѣ при столѣ и послѣ онаго, что видно также изъ рапорта учителя Ахматова къ г-ну директору; при ударахъ хлѣбомъ, тотъ же Пафомовъ и большіе: *Княжевичь*, *Веселовъ*, *Упадышевскій* (и) толкали [2]) его Лапшина.

Главный надзиратель въ рапортѣ своемъ къ г-ну директору, говоря объ игрѣ ученика большаго Баляснякова, маршировавшими съ нимъ представляетъ: *Пафомова*, большихъ: *Княжевича*, *Перевощикова*, *Крылова*, *Петровыхъ* обоихъ и учениковъ: *Алехина*, *Кузминскаго* и другихъ. Разбирательство же всего дѣла отложилъ до будущаго утра, въ которое онъ рапортовалъ г-ну директору, но не такъ обстоятельно, какъ рапортуетъ ему г-ну главному надзирателю комнатный надзиратель Лапшинъ.

Поступокъ воспитанниковъ послѣ вечерняго стола 8-го числа съ надзирателемъ Ридеромъ.

Главный надзиратель рапортомъ своимъ къ директору отъ 8-го сего іюня съ поданнаго ему того жъ числа рапорта

---

[1]) Или порядка, какимъ они обыкновенно ходятъ въ классы и въ столовую и выходятъ оттуда.

[2]) Въ донесеніи написано: *толпами*.

отъ комнатнаго надзирателя Ридера доноситъ: „что ученикъ большой *Стрыковъ*, мстя ему Ридеру за наказаніе, которое наложилъ на него г-нъ главный надзиратэль за грубость противъ Ридера, поощрилъ учениковъ *Пафомова* и большихъ: *Княжевича*, *Крылова* бросать въ него, сходя въ низъ изъ столовой, кусками хлѣба и самъ участвуя съ ними же. Послѣ чего, Ридеръ пришедъ въ свою комнату, нашелъ постель свою и подушки изрѣзанными, а по слухамъ и кровать изломанную".

По слѣдствію о семъ произшествіи члепами секретно открыто, что кровать изломали Баляспиковъ большой, Кузмпнскій и Протопоповъ, а подушки изорвалъ Княжевичь большой.

Поступокъ воспитанниковъ въ комнатѣ надзирателя Мейснера.

Надзиратель Мейснеръ рапортомъ своимъ г-ну главному надзпрателю отъ 7-го сего іюня, а г-нъ фонъ-Фишеръ къ г-ну директору отъ 8-го доноситъ: „что ученикъ большой Княжевичь комнатнаго сторожа Василья Филипова прибилъ якобы за донось на него Княжевича надзпрателю Мейснеру, что онъ Княжевичь перерубилъ одну доску въ двери въ комнатѣ надзпрателя Мейснера, въ которую возбранепъ имъ былъ ходъ".— Означенный Филиповъ въ допросѣ при членахъ показалъ, что означенной Княжевичь дѣйствптельно сильно толкнулъ его въ грудь за оной донось. Рубилъ же Княжевичь доску топоромъ, который находился у воспитанниковъ братьевъ троихъ Петровыхъ; о каковомъ обстоятельствѣ г-нъ фонъ-Фишеръ умалчиваетъ, хотя и надлежало ему разъискать все произшествіе.

№ X.

(Архивъ Казанскаго Университета, Дѣло 1804 г. № 8-а л. 54).

Императорской Казанской гимназіи въ Совѣтъ

ИНСПЕКТОРА ГИМНАЗІИ ЯКОВКИНА

Прошеніе.

Принявъ по убѣжденію господъ членовъ присутствовавшихъ въ засѣданіи Совѣта 8 дня сего мѣсяца на время управленіе частію надзиранія, долгомъ моимъ поставляя жертвовать всѣмъ, чѣмъ только могу, пользамъ, чести и благосостоянію гимназіи. Кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ произшествій, предъ лицемъ всей гимназіи готовъ я отдать справедливость скромному и послушному поведенію питомцевъ и чиновниковъ по части надзиранія. При возстановленномъ и частію поправленномъ порядкѣ, въ чемъ могу свидѣтельствоваться заведенными мною журналомъ главнаго надзирателя, гдѣ записываются всѣ замѣчанія по части надзиранія, двумя тетрадями для записки наказуемыхъ по части ученія и надзиранія и дежурною надзирателей тетрадью, теперь уже не вижу дальнѣйшей трудности по надзиранію, ежели только имѣющій занять мѣсто главнаго надзирателя не отступитъ отъ оправданныхъ уже опытностію правилъ воспитанія и заведеннаго порядка. Сколько я успѣлъ, или нѣтъ, оправдать ожиданіе почтеннаго Совѣта гимназіи; то предаю общему его внимательному разсужденію. Между тѣмъ чувствуемая мною крайняя слабость здоровья, съ теченіемъ времени еще тѣмъ паче усиливающаяся отъ безпрестанныхъ занятій, противъ воли моей принуждаетъ меня покорнѣйше просить почтеннѣйшій Совѣтъ препоручить должность главнаго надзирателя, кому заблагоразсуждено будетъ, другому, тѣмъ болѣе, что я чувствую свыше моихъ нынѣшнихъ силъ продолженіе исполненія оной должности. Случающіеся мнѣ припадки, ощущаемая слабость въ тѣлѣ, опалость,

унылость и блѣдность лица моего, уповаю, послужатъ почтенному Совѣту убѣдительнѣйшими свидѣтелями необходимости сей моей просьбы, хотя при всемъ томъ и одна остающаяся инспекторская моя должность еще также, по причинѣ наступающаго публичнаго собранія и награжденія отличившихся учениковъ, потребуетъ отъ меня пожертвованія, можетъ быть, и послѣдними моими силами. Іюня 21 дня 1804 года. Инспекторъ гимназіи *Илья Яковкинъ*.

№ XI.

(Тамъ же л. 66).

Императорской Казанской Гимназіи въ Совѣтъ.

1804 года августа 8-го дня учитель гимназіи вышнихъ латинскаго и французскаго классовъ и членъ Совѣта Иванъ Эрихъ на предписаніе Совѣта сего августа 5 го числа съ № 151, изображающее таковое къ Его Превосходительства Г-на Попечителя училищъ Казанскаго Учебнаго Округа Степана Яковлевича Румовскаго, какое право имѣлъ я самопроизвольно отказываться въ Совѣтѣ отъ разсужденія о дѣлахъ до гимназіи касающихся, будучи избранъ начальствомъ въ члены? Симъ Казанской гимназіи Совѣту имѣю честь отвѣчать: о дѣлахъ по гимназіи до ученой части относящихся я всегда, какъ членъ Совѣта, имѣлъ разсужденіе; а когда случилось дѣло коллежскаго ассессора и главнаго надзирателя фонъ Фишера, не принадлежащее къ ученой части, то не занимающійся судопроизводствомъ и отъ разсужденія онаго отказывался и просилъ Совѣтъ представленія фонъ Фишера препроводить къ Его Превосходительству Господину Попечителю.

Учитель *Иванъ Эрихъ*.

1804 года 8-го числа Августа.

№ XII.

(Тамъ же, л. 85).

Въ Совѣтъ Казанской Гимназіи.

По случаю разныхъ неустройствъ, происходившихъ между воспитанниками Казанской гимназіи прошедшаго іюня 4-го, 6-го и 8 чисель, не хотя самъ собою я положить рѣшенія, препроводилъ сіе дѣло со всѣми его обстоятельствами при своемъ представленіи въ Главное Училищъ Правленіе на его разсмотрѣніе, и хотя въ представленіи моемъ г. Надворному Совѣтнику Лихачеву отдана должная справедливость; но Главное Училищъ Правленіе, соображая обстоятельства сего произшествія и отнеся ему въ вину, что онъ, допустивъ вкрасться дерзостямъ въ юношахъ, не принялъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ прекращенію зла сего, и далъ ему усилиться тогда, когда оно обнаружилось, положило опредѣленіемъ своимъ октября отъ 6-го числа удалить его отъ исправляемой имъ должности директора по гимназіи, съ котораго опредѣленія при семъ препровождается въ Совѣтъ для надлежащаго по оному исполненія точная копія. Въ слѣдствіе чего Совѣтъ имѣетъ: 1-е) Правившаго должность Директора гимназіи г. Надворнаго Совѣтника Лихачева и Главнаго Надзирателя Коллежскаго Ассесора Фишера уволя отъ настоящихъ ихъ по гимназіи должностей съ приличными аттестатами и отобравъ казенныя вещи, ежели на рукахъ у нихъ какія находились, удовлетворить по день увольненія ихъ заслуженнымъ жалованьемъ. 2-е) должность Директора Гимназіи впредь до разсмотрѣнія поручить Инспектору Гимназіи Яковкину, которому такъ же, поелику живетъ онъ въ Гимназіи, продолжать имѣть главное надзираніе надъ воспитанниками, доколѣ на мѣсто Фишера не будетъ опредѣленъ другой Главный Надзиратель; и для того впредь до дальнѣйшаго распоряженія увольняется онъ на время отъ обучаемыхъ имъ классовъ. 3-е) Назначенныхъ опредѣленіемъ Главнаго Училищъ Правленія ко изключенію

изъ Гимназіи четверыхъ казенныхъ учениковъ: Княжевича 1-го, Пахомова, Крылова 1-го и Алехина, по учиненіи имъ положеннаго, какъ значится въ томъ опредѣленіи, наказанія, исключить изъ Гимназіи по приказанію Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія безъ аттестатовъ. Подлинное подписалъ: Степанъ Румовской.—Съ подлиннымъ читалъ 14 класса *Петръ Курбатовъ*.

№ 203-й.
Октября 3-го дня,
1804-го года

№ XIII.

(Тамъ же, л. 86).

Выписка изъ журнала Главнаго Училищъ Правленія отъ 6-го октября 1804-го года.

СТАТЬЯ II.

Слушано представленіе Г. Попечителя Казанскаго Округа отъ 5-го октября о разныхъ неустройствахъ, происходившихъ между воспитанниками Казанской гимназіи прошедшаго іюня 4-го, 6-го и 8-го чиселъ. Правленіе, сообразя всѣ обстоятельства сего произшествія, изъясненныя въ представленіи, опредѣлило: 1-е учениковъ Княжевича 1-го и Пахомова, какъ главныхъ виновниковъ произшедшаго безпорядка и многія противъ начальства оказавшихъ дерзости, въ примѣръ другимъ наказавъ педѣльнымъ, а Крылова 1-го и Алехина чрезъ три дня подъ крѣпкою стражею содержаніемъ, исключить изъ Гимназіи; прочихъ же, то есть Баляспикова, двоихъ Петровыхъ и Упалышевскаго 1-го, наказавъ такъ же чрезъ три дня строгимъ арестомъ, оставить въ Гимназіи для ихъ отличныхъ способностей, объявивъ имъ, что есть ли они впредь окажутся въ подобныхъ дерзостяхъ, то будутъ такъ же исключены изъ

Гимназіи. 2-е. Главнаго надзирателя Фишера, который какъ видно по всѣмъ обстоятельствамъ, или къ занимаемой имъ должности не способенъ, или по старости сдѣлался недѣятеленъ и при семъ пропущеніи многія учинилъ упущенія, отставить отъ должности, которую, доколѣ существованіе Гимназіи продолжится, предоставить другому способнѣйшему. 3-е. Что же касается до учителя Ериха, который учинилъ начальству ослушаніе, отказавшись самовольно и безъ основательной причины отъ сужденія по поданному отъ Фишера объясненію: то ему въ Совѣтѣ учинить строгой выговоръ и объявить, что ежели кто впредь окажетъ подобное неповиновеніе, таковой, какъ ослушникъ, исключенъ будетъ изъ Гимназіи. Да сверхъ того 4-е какъ правящій должность Директора Надворный Совѣтникъ Лихачевъ, допустивъ вкрасться дерзостямъ въ юношахъ, къ прекращенію зла сего не принялъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ, и тогда, когда оно обнаружилось, далъ ему усилиться, то во избѣжаніе подобныхъ неустройствъ должность его впредь до разсмотрѣнія поручить Инспектору Гимназіи Яковкину.

На подлинной подписано такъ: вѣрно, Правитель дѣлъ Иванъ Мартыновъ. На копіи подписано такъ: съ подлинною выпискою сличалъ Коллежскій Асессоръ Дмитрій Соколовъ. Съ подлинною копіею читалъ 14 класса Курбатовъ.

№ 522.

Его Превосходительству
Г. Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

№ XIV.

(Архивъ Казанскаго университета, Дѣло канцеляріи Совѣта 1804 г. № 56 л. 39-b).

Аттестатъ.

По указу Его Императорскаго Величества данъ сей (аттестатъ) изъ Главнаго Правленія Училищъ г. Директору

Училищъ Казанской губерніи Надворному Совѣтнику Александру Логинову сыну Лихачеву, въ томъ, что онъ съ прошлаго 1798 года исправлялъ должность сію съ усердіемъ и прилежаніемъ, а сего 1804 года ноября 16 дня принесъ Правленіе объ увольненіи его отъ оной за слабостью здоровья и уволенъ декабря 10 дня 1804. Подлинное подписали: Степанъ Румовскій, Экспедиторъ Александръ Бирюковъ и Губернскій Секретарь С. Линицкій. № 694.

№ XV.

(Архивъ Казанскаго Университета. Книга о поведеніи студентовъ педагогическаго института Императорскаго Казанскаго Университета. Дано по Директорскому журналу 1805-го года марта 15-го дня подъ № 71 и продолжавшаяся до 1820 г., № 1-л. 3).

1805-го года 18-го февраля избраны были въ совѣтѣ ученики для слушанія профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій:

КАЗЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Петръ Кондыревъ — 17-ти лѣтъ, изъ дворянъ Курской губерніи, въ гимназію поступилъ 1799 г. 4 апрѣля.
2. Владиміръ Графъ — 17-ти лѣтъ, изъ дворянъ Симбирской губерніи, въ гимназію поступилъ 1799 г. 4 апрѣля.
3. Петръ Баляснковъ — 20-ти лѣтъ, изъ дворянъ Нижегородской губерніи, въ гими. поступилъ 1799 г. 4 апрѣля.
4. Василій Перевощиковъ — 18-ти лѣтъ, изъ дворянъ Пензенской губер., въ гимн. поступ. 1800 г., 25 апрѣля.
5. Помпей Смирновъ — 17-ти лѣтъ, изъ дворянъ Казан. губерн., въ гимн. поступ. 1799 г. 4 апрѣля.
6. Николай Упадышевскій — 18-ти лѣтъ, изъ дворянъ Польскихъ шляхтичей
7. Семенъ Видрицкій — 18-ти лѣтъ, изъ дворянъ
8. Николай Трухинъ — 15-ти лѣтъ, изъ Казанск. дворянъ
9. Александръ Княжевичъ — 15-ти лѣтъ, изъ Оренбург. дворянъ
10. Михайло Фоминъ — 14-ти лѣтъ, изъ С.Петерб. дворянъ

} Того же года.

11. Яковъ Ляпуновъ 20-ти лѣтъ, изъ Вятскихъ дворянъ въ гимн. поступ. 1800 г. 22 августа.
12. Дмитрій Перевощиковъ 14-ти тѣтъ, изъ Пензенск. дворянъ, въ гимн. поступ. 1801 г. 5 іюня.
13. Александръ Петровъ 16-ти лѣтъ, изъ Казанск. дворянъ, въ гимн. поступ. 1802 г. 19 февраля.
14. Александръ Чесновъ 15-ти лѣтъ, изъ С.-Петерб. дворянъ, въ гимн. поступ. 1802 г. 12 февраля

Изъ разночинцевъ:

15. Василій Кузминскій 19-ти лѣтъ
16. Андрей Шубинъ 17-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1799 г. 4 апрѣля.
17. Федоръ Риттау 16-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1799 г. 6 октября.
18. Павелъ Поповъ 17-ти лѣтъ
19. Никифоръ Андрѣевъ 17-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1799 г. 4 апрѣля.
20. Михайло Пестяковъ 17-ти лѣтъ
21. Василій Тимвянскій 14-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1801 г. 23 января.
22. Александръ Яковкинъ 14-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 180 (?)
23. Степанъ Шоникъ 17-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1799 г. 18 октября.
24. Андрей Кайсаровъ 16-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1799 г. 4 апрѣля.
25. Александръ Лобачевскій 14-ти лѣтъ — въ гимн. пост. 1802 г. 5 ноября.
26. Николай Манассеинъ 15-ти лѣтъ — Изъ Казанскихъ дворянъ, въ гимн. поступ. 1802 г. 15 января.

ПЕНСІОНЕРЪ.

27. Евареетъ Груберъ 14-ти лѣтъ, изъ дворянъ, въ гимн. поступ. 180(?)

СВОЕКОШНЫЕ.

1. Николай Панаевъ 15-ти лѣтъ
2. Александръ Панаевъ 15-ти лѣтъ
3. Иванъ Панаевъ 18-ти лѣтъ

— изъ дворянъ въ гимн. поступ. 1800 г. 28 сентября.

4. Сергѣй Аксаковъ 14-ти лѣтъ изъ дворянъ, въ гимназію поступ. 1801 г. 16 января.

А дабы отличить ихъ отъ гимназистовъ, то опредѣлено переименовать ихъ въ студенты и сдѣлать нѣкоторую перемѣну, какъ въ мундирахъ, такъ и самомъ столѣ. Сверхъ сего отвесть для нихъ особыя двѣ комнаты и смотрѣніе за оными препоручить достойнѣйшимъ изъ нихъ. Объявить также чрезъ циркулярное письмо и родителямъ ихъ, съ какимъ намѣреніемъ переводятся они въ университетъ и сколько времени по окончаніи курса должны пробыть въ учительской должности.

21-го февраля приняты въ своекошные студенты Павелъ Чуфаровъ и Порфирій Безобразовъ.

Все оное было и объявлено тогожъ февраля 22-го числа при собраніи обѣхъ заведеній чиновниковъ и при присутствіи попечителя.

1805-го года 3-го іюня уволенъ изъ Университета Евареетъ Груберъ.

1805-го года 9-го іюля при публичномъ торжественномъ собраніи Университета и гимназіи розданы прежнимъ 33 студентамъ шпаги, а выбраннымъ 6-го іюля ученикамъ для слушанія профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій объявлено о семъ, они суть.

КАЗЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Петръ Зыковъ	16-ти лѣтъ	Изъ дворянъ	въ гимн. поступ.	1799 г. 4 апрѣля.
2. Никита Трофимовъ	17-ти лѣтъ		въ гимн. поступ.	1799 г. 4 апрѣля.
3. Николай Марковъ	16-ти лѣтъ		въ гимн. поступ.	1800 г. 17 марта.
4. Алексѣй Баляснивовъ	17-ти лѣтъ		въ гимн. поступ.	1799 4 апрѣля.
5. Николай Кинтеръ	16-ти лѣтъ		въ гимн. поступ.	
6. Николай Стрѣлковъ	16-ти лѣтъ		въ гимн. поступ.	

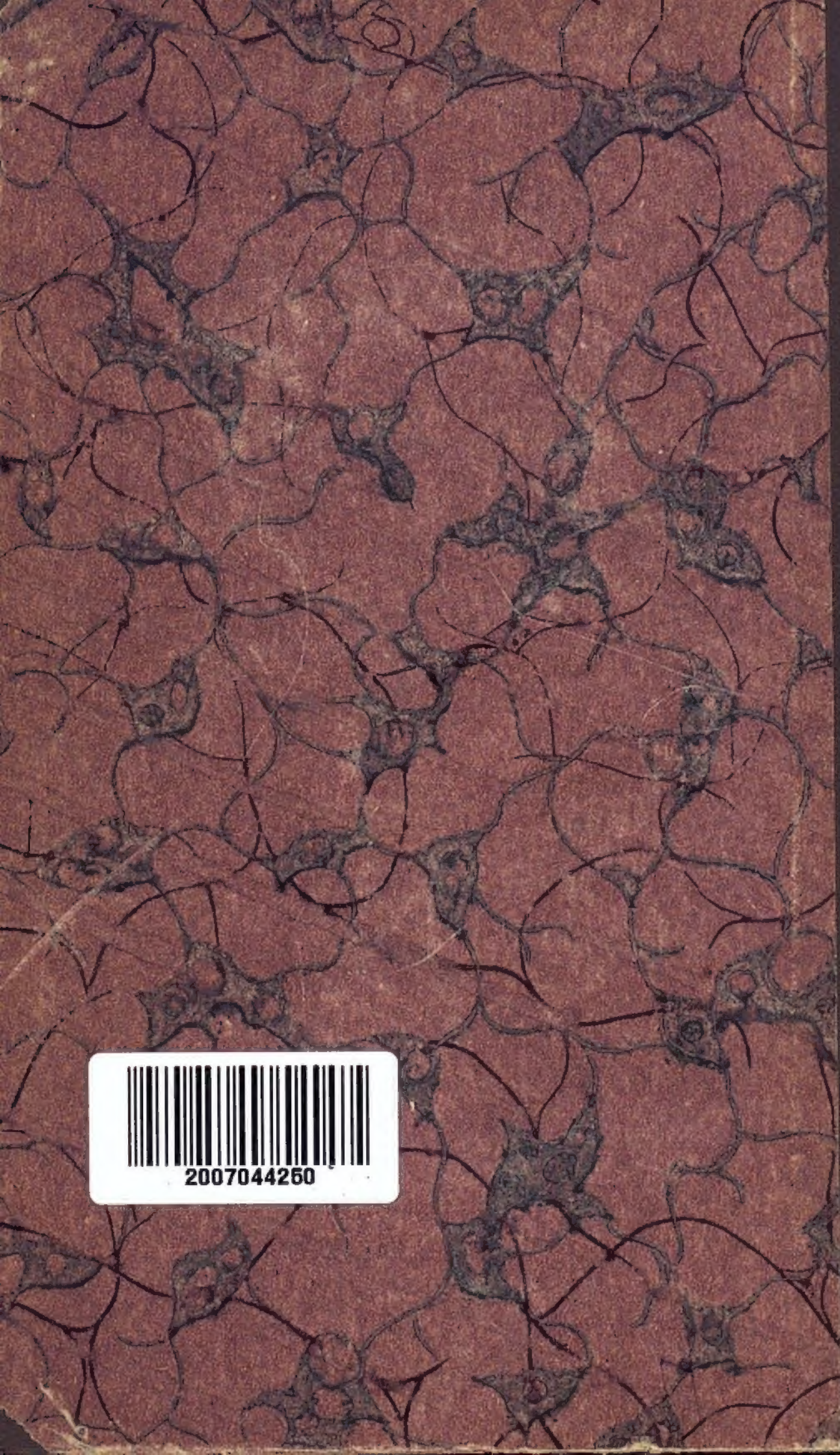
СВОЕКОШНЫЕ.

1. Николай Кленининъ	15-ти лѣтъ	изъ дворянъ.	въ гимн. пост.	1804 г. 28 сент.
2. Александръ Дмитріевъ	18-ти лѣтъ		въ гимн. пост.	1802 г. 19 марта.

1805 года 18-го сентября приняты въ казенные студенты Порфирій Безобразовъ и Павелъ Чуфаровъ.

1805-го года 21-го ноября волею Божіею ко всеобщему сожалѣнію студентъ Александръ Яковкинъ помре.

КОНЕЦЪ.


2007044250